

59
1278

Немецкие варвары

В КРЫМУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНЫЙ КРЫМ“
1944

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМИ

9 59
1978

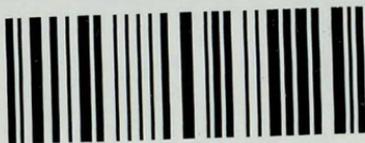
НЕМЕЦКИЕ ВАРВАРЫ В КРЫМУ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. А. ЧУРСИНА

Печатны.
листов

Тип.

Издательство „КРАСНЫЙ КРЫМ“
1944

2011035611

Составитель Р. М. ВУЛЬ.
Обложка и рисунки художника
Э. М. ГРАБОВЕЦКОГО.

◆
В подготовке материалов сборника
принимали участие гг. *В. С. Вихров,*
Б. А. Гальперн, Э. А. Гельман,
Д. И. Глезерман, В. П. Голубенко,
Я. Д. Мамонтов, М. Я. Олинский,
Б. Д. Спиртус, В. С. Шевчук.

44-14453

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник подготовлен в период, когда Крым находился еще под пятой немецко-румынских захватчиков. В нем, как и в изданном в 1943 году сборнике „Зверства немецких фашистов в Керчи“, собраны рассказы очевидцев — рабочих, колхозников, интеллигентов. Все эти бежавшие при помощи партизан из фашистского плена советские люди испытали на себе кровавый фашистский „новый порядок“.

Понятно, что в этой книжке отражена лишь незначительная часть кровавых злодеяний, совершенных гитлеровскими людоедами на нашей родной крымской земле.

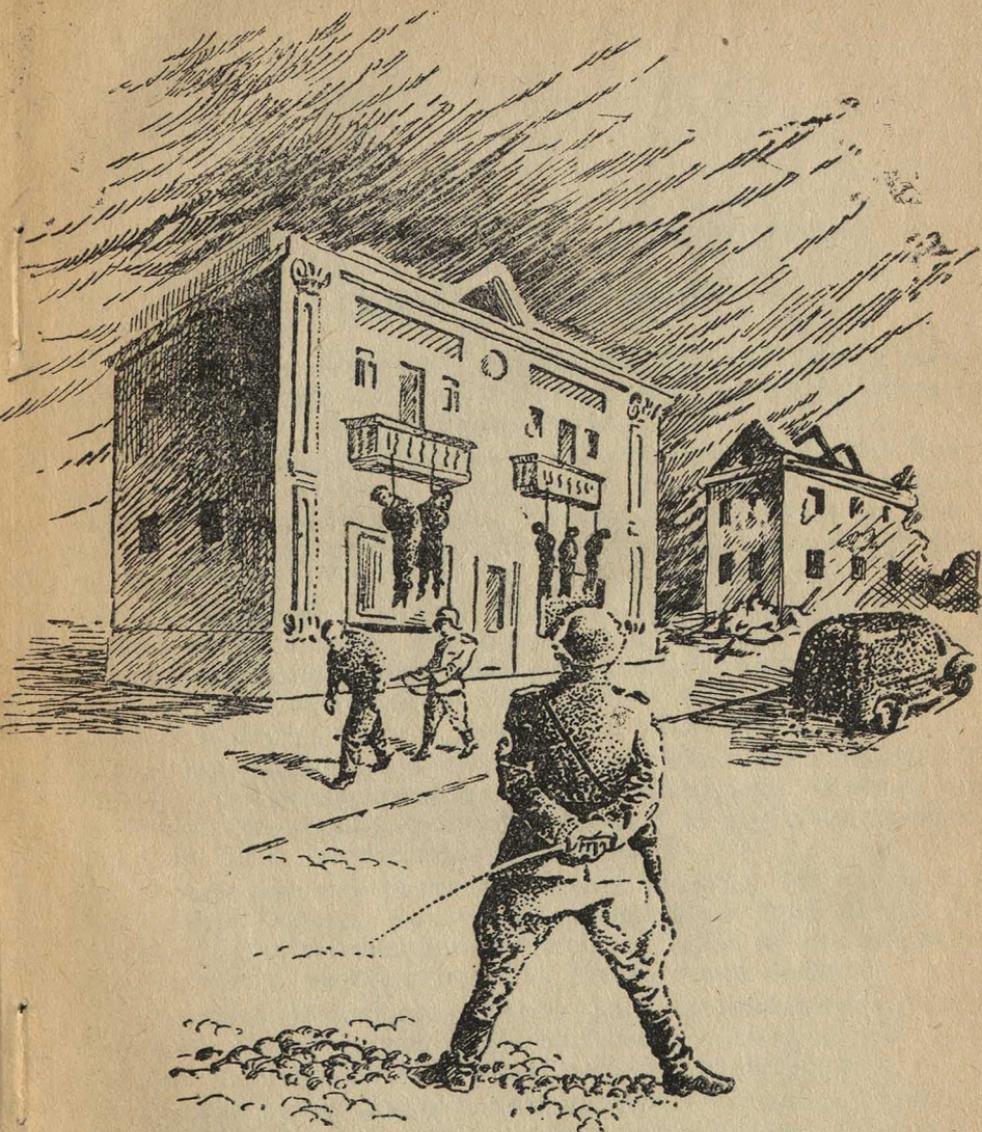
Теперь, когда Крым освобожден от немецких захватчиков, перед нами встала бесконечная вереница фактов кровавого террора, тяжелого рабства и разорения, которым подвергались советские люди в Крыму при фашистских поработителях.

Эти факты являются обвинительным актом о злодеяниях гитлеровских бандитов. Немецко-фашистским людоедам не уйти от карающего меча советского народа!

ИЗВЕЩАНИЕ

Всего в 1917 году в России было издано 100 миллионов экземпляров газет и журналов, что составляет 100 миллионов экземпляров в год. Это количество в 10 раз превышает количество изданных в 1916 году. В 1917 году в России было издано 100 миллионов экземпляров газет и журналов, что составляет 100 миллионов экземпляров в год. Это количество в 10 раз превышает количество изданных в 1916 году. В 1917 году в России было издано 100 миллионов экземпляров газет и журналов, что составляет 100 миллионов экземпляров в год. Это количество в 10 раз превышает количество изданных в 1916 году.

Насильники

В. ГОРБУЛЕНКО

СИМФЕРОПОЛЬ В ЯРМЕ

До прихода немцев в Симферополе было 150 тысяч жителей. При немцах к июлю 1943 года их стало 69813 человек. Десятки тысяч людей убили немцы.

Трупами убитых заполнены противотанковые рвы за Красной горкой, в Мазанке, в Собачьей балке, на Севастопольском и Алуштинском шоссе. Только у одного рва на Севастопольском шоссе захватчики расстреляли свыше 12 тысяч человек.

Симферополь пережил страшный еврейский погром. Фашисты гнали людей, как стадо, на сборный пункт. Улицы оглашались душераздирающими криками. А палачи в это время хладнокровно отбирали у обреченных вещи, снимали с них одежду и обувь, гнали к рвам и там убивали.

Оцепив Цыганскую слободку, где проживало около 2500 человек, фашисты приказали всем собираться. Всех цыган, от мала до велика, фашисты согнали ко рву и расстреляли. Зверски были истреблены и крымчаки.

Немцы повсюду развесили яркие плакаты. На одном был изображен Гитлер, умиленно глядящий на двух детей. Но жители с ужасом смотрели на плакат. Перед их глазами вставали малютки, растерзанные по указке этого палача.

Симферопольцы знали и серое чудовище, именуемое „газенагоном“. Часто от тюремных застенков и лагерей гестапо к рвам курсировала изобретенная немцами душегубка.

Весной ручьи смыли землю на рвах. Открылось страшное зрелище: то тут, то там торчали человеческие руки, ноги, головы. Много трупов жители обнаружили на огородах.

В центре города не осталось почти ни одной улицы без знака фашистского „нового порядка“—виселицы. Сотни мирных жителей повесили фашистские палачи. Надписи на трупах говорили о „вине“ этих людей: „За неявку в отдел труда“, „За несвоевременную явку“.

Немцы и румыны систематически устраивали в городе облавы. Однажды гитлеровцы оцепили Салгирную слободку, схватили 150 человек и увезли.

Всех схваченных угоняли или в пересыльный лагерь, каким стал бывший совхоз „Красный“, или в лагерь в „Картофельном городке“. Но куда бы они ни попали, советских людей всюду ожидала смерть.

Вырвавшийся из лагеря в „Картофельном городке“ Михаил Никифорович Береза рассказал:

„Сырые подвалы и склады немцы битком набили людьми. Тысячи несчастных пленников жили также возле складов. Всю территорию лагеря обнесли высоким забором и колючей проволокой в два ряда. Заключение проводили зиму на мерзлой земле, а летом находились под открытым небом. Оборванные, измученные, истощенные—они гибли сотнями.

Чуть свет—под’ем. Всех гнали на работу—уголь таскать, кирпич убирать, рвы рыть. В лагере морили голодом. Немцы варили „баланду“ из прелых отрубей и гнилых бураков и один раз в сутки давали ее. Выдача „баланды“ сопровождалась издевательствами и мордобоем. Людей выстраивали у кадушки с „едой“. Тут и начиналась пытка. Не так стал, не так повернулся, не так сел—и тебя сечет плеткой специально приставленный для этого унтерофицер. Три раза исхлестал он и меня,—говорит Михаил Никифорович.—„Баланду“ каждый получал в жестянку. Было приказано строго настрого сразу же после обеда жестянки оставлять на месте. Охрана лагеря боялась, как бы эти жестянки в руках пленников не стали оружием.

Мы рылись в отбросах, ели все, что находили в них. К лагерю приходили женщины и, когда часовой зазевается, бросали нам пищу через забор. А заметит часовой—стреляет в них.

Голод, дизентерия, тиф и другие болезни валили людей. По 50-60 мертвецов вывозили каждое утро из лагеря.

13 суток я провел в этом лагере. Никогда не забуду их. Каждый день казался годом...“

В большом доме на углу улиц Горького и Желябова гитлеровцы открыли биржу труда.

„Дадим вам работу, идите на биржу, регистрируйтесь“,—говорили немцы. Уклонявшимся от регистрации грозили расстрелом.

Какая же это была работа? Биржа гнала грузить зерно, рыть траншеи, мостить дороги, чистить немецкие отхожие.

Зарегистрированным на бирже немцы выдавали по триста

граммов хлеба в день. Симферопольцы голодали, но не хотели получать немецкий хлеб. Несмотря на преследования, многие не шли регистрироваться на эту биржу каторжных работ.

* * *

На бирже немцы об'явили набор молодежи на работу в Германию. Через брошюры, газеты и об'явления гитлеровцы извещали: „Кто хочет добровольно ехать в Германию, кто хочет получить хорошую специальность, кто хочет строить новую Россию—тот должен явиться на биржу труда“.

Стены были залеплены плакатами под названием: „Красоты Германии“. Пастух пасет корову на живописной поляне... Краснощекая, смеющаяся девушка кормит свиней... Была на бирже витрина: „Письма из Германии“. Состряпанные гитлеровцами, эти письма расписывали „хорошую жизнь и работу в Германии“.

Но среди симферопольцев не нашлось добровольцев ехать в рабство на чужбину. Тогда гитлеровцы стали сгонять тысячи молодых людей на биржу, отбирали у них паспорта и отправляли в рабство.

Жуткие сцены происходили в доме на углу улиц Горького и Желябова. Девушки выбрасывались со второго этажа. Их матери сходили с ума. Многие калечили себя. 18-летнюю Варвару Иванчук мать поила всякими настойками. Не помогло. Варвару наметили к отправке. Тогда отчаявшаяся мать обожгла ноги дочери кипятком. 32-летняя Анна Сапожник растрвила себе рану...

Спустя несколько месяцев от угнанных начали приходиться письма. Не такие, как на витрине в бирже, а полные правды о страданиях наших людей в фашистской Германии.

Затем с каторги стали возвращаться больные и калеки — без рук, без ног, без глаз. Больше всего ослепших прибывало с алюминиевых заводов. Гитлеровская Германия сделала их калеками и выбросила, как ненужный хлам.

* * *

Фашисты обзаводились наложницами. Они старались использовать тяжелое положение девушек и женщин, чтобы принудить их к сожительству. Появились об'явления: „Офицеру требуется в прислуги здоровая, красивая, хорошо одетая девушка“. А больше всего насильники действовали без об'явлений. Девушек и женщин они хватили просто на улице...

* * *

Симферопольцы находились в постоянном страхе. Они скрывались от фашистов в подвалах, ямах, на огородах, запирались в квартирах.

— Днем я всегда была под замком, — рассказала Ольга Игнатьевна Кутищева, проживавшая по Пожарной улице, № 15.— Часто пряталась от облав на огороде. Спать приходилось одетой, окна держать открытыми на случай, если понадобится бежать.

В городе свирепствовал разнузданный грабеж. Гитлеровцы врывались в дома и грабили их. В доме № 19 по Казанской улице, в квартире Беженкова фашисты забрали буфет, кровати, гардины, всю домашнюю утварь. Мародеры тащили все, что попадало под руку.

Немцы обрекли жителей на голод. Весь хлеб, награбленный у крестьян, немедленно отправлялся в Германию.

Гитлеровцы сулили процветание „свободной торговли“. Появились дельцы, маклеры, проходимцы. Всем им немецкие власти выдавали патенты. Но на рынке ничего нельзя было купить: там орудовали спекулянты. Цены были баснословные. Мяса вовсе не было, его пожрали немцы. Симферопольцы тайком ходили в деревню и меняли пожитки на продукты. Но кончались у горожан пожитки, а у крестьян—продукты: все забрали немцы. И жители голодали.

* * *

Фашистов „заинтересовали“ симферопольские предприятия. Они обошли авторемонтный завод, электромастерские, депо.

„О, здесь токарные станки! Им место в Германии...“

Оборудование немедленно сняли и увезли.

Немцы проявили „особую заботу“ о городском хозяйстве.

„Трамвай? Зачем он в городе? У нас — машины, а рус пусть пешком ходит“.

И автогенном срезали трамвайные провода, разбили вагоны, а все металлические части отправили в Германию.

„Электричество? Это роскошь для русских. Свет могут иметь только немцы...“

И большой город погрузился в темноту.

Даже воду не везде разрешили набирать. На доске у фонтана, что около аэродрома, большими буквами было выведено: „Вода не для русских“.

* * *

Из Нового города были выселены жители. Сюда вселили офицеров, чиновников и их челядь. Целые кварталы от Феодосийской до Дальней улицы оккупанты обнесли каменными стенами и поставили часовых. Русским нельзя было появляться здесь.

Под угрозой расстрела жителям запретили выходить на

улицу после пяти часов вечера. Сопаской можно было ходить и днем. Того и смотри, что избьет или собакой затравит пьяный немец или румын.

* * *

Всюду мелькали немецкие таблички, надписи, указатели. В Ленинградской гостинице—немецкий штаб, в Европейской—полиция. В Педагогическом институте—гестапо, в медицинском—лазарет, в кинотеатре „Юнг-Штурм“—гараж.

Фашисты вытравляли все советское, русское. Они переименовали улицы. Улицу Маркса назвали „Гаупштрассе“—Главной улицей, Либкнехта—„Дойчештрассе“—Немецкой улицей, Горького—Таврической, Желябова—Итальянской.

На Пушкинской открыли игорный дом—казино для немцев. На углу улицы Горького—казино для румын. Театр и кино—для немцев и румын. Один киносеанс отвели для русских. Но никто не хотел смотреть „кинокрасоты Германии“ и парады гитлеровских молодчиков.

Симферополь, некогда славившийся обилием зелени, захватчики превратили в пустыню. В Ленинском парке и городском саду, в этих любимых местах отдыха горожан, немцы вырубали много деревьев, кустов, разрушили летний театр.

Барвары ликвидировали высшие учебные заведения, закрыли школы. Они открыли было несколько так называемых „народных“ школ, но эти школы стали ловушками. В некоторых школах старшие классы занимались месяца два-три, потом учащиеся объявили мобилизованными и увезли в Германию.

В средней школе по Феодосийской улице фашисты устроили тюрьму. Бывшего ученика этой школы Виктора Астахова сюда заключили за то, что он прочитал советскую листовку.

Рискуя жизнью, читали симферопольцы свою газету „Красный Крым“.

— Наша любимая, родная,—говорили они.

Читали ее украдкой. Радовались и плакали. Как дорого сердцу родное слово!

* * *

Симферопольцы не склонили головы перед немецкими и румынскими захватчиками. Днем и ночью часто были слышны взрывы. Среди белого дня у вокзала рухнула водочкачка. На территории бывшего совхоза „Красный“ вспыхнул пороховой склад. Часто взлетали немецкие склады с горючим, летели под откос машины и поезда.

* * *

Чем ближе был час их гибели, тем яростней свирепствовал дикий разгул фашистских разбойников. Улицы и переулки

они буквально наводнили гестаповцами, жандармами, полицейскими. Днем и ночью они охотились за людьми. Гитлеровцы шныряли по домам, хватали всех мужчин и вывозили в Евпаторию и Севастополь. Одно время между Симферополем и Севастополем курсировал эвакуационный „поезд“. Каждый эшелон увозил свыше тысячи человек. На севастопольском вокзале их встречали крупные отряды фашистов. В Севастополе советских людей перегружали на баржи и вывозили в море.

Через 2—3 часа баржи возвращались пустыми. Эти баржи называли морскими душегубками...

* * *

Было время—в город понаехали немецкие авантюристы и чиновники с семьями. Они думали обосноваться здесь крепко, навсегда. Но когда Красная Армия приблизилась к крымской земле, им в Симферополе „не понравилось“ и они поспешно удрали.

Улицу Кирова, Совнаркомский переулочек и многие другие места в городе немцы перерезали заборами из колючей проволоки, во многих пунктах соорудили доты и дзоты. В предчувствии расплаты захватчики метались, как в мышеловке.

Д. МАКАРЫЧЕВА

НЕВОЛЬНИЦА

1 июня 1941 года Галя Федотова и ее соученицы получили аттестаты об окончании средней школы. В этот день подруги, взявшись под руки и перегородив почти весь широкий тротуар, долго ходили по улицам, весело разговаривали, шутили, смеялись. Легко и радостно было у них на сердце. Казалось, что это им, молодым и нарядным, так щедро светит крымское солнце, так приветливо кивает роскошная зелень деревьев, так благоухают цветы.

На улицах было шумно и весело. Звенели трамваи, перекликались гудки автомобилей, шли люди, они громко разговаривали и тоже шутили и смеялись.

Будущее представлялось девушкам заманчивым и светлым, весь мир был распахнут перед ними. Заводы, поля, лаборатории, институты.

— Сарра хочет быть горным инженером,—говорила одна из девушек.

— Лена—штурманом дальнего плавания.

— Шура спит и видит себя Мариной Расковой.

— А мы на „семейном совете“ уже постановили: я иду учиться в сельхозинститут. Это нравится мне, и папе нравится, и маме,—сказала Галя.

Были перечислены десятки профессий, одна другой лучше, все—доступные им, стоило только хорошенько пожелать и поработать.

Но вот 22 июня грянула война. Она словно гигантским рычагом перевернула жизнь. Пошли дни тревог и горя, труда и надежд.

Галя вместе со всеми копала противотанковые рвы за городом и вместе со всеми крепко верила, что Перекоп немцам не пройти. Это были очень трудные месяцы, но нестрашные: и горе, и надежды были общими.

Страшное наступило 2 ноября 1941 года: в город ворвались немцы.

Галя, отец и мать сидели дома за закрытыми ставнями и со страхом прислушивались. На улице стояла необычайная мертвая тишина. Трудовая жизнь их семьи, такая наполненная и приносящая столько душевного удовлетворения, сразу оборвалась. Трое взрослых людей, которые обычно всегда были заняты и имели очень мало времени, чтобы дома между собой вдоволь поговорить, теперь, когда они сидели без дела, молчали, лишь изредка перебрасываясь словами, и то шопотом, точно в их доме был покойник.

Первой осмелилась выйти на улицу мать. Вскоре она вернулась бледная, как стена, и дрожащими губами еле говорила: на улицах повешенные. Мужчины и женщины.

— Мама, кто, кто они?—сдавленным голосом спросила Галя.

— Кто? Наши, коммунисты, их жены, все те, кто за советскую власть,—ответила мать.

Галя представляла себе солнечные улицы родного города, где она чувствовала себя всегда так легко и свободно. А теперь там—повешенные, страшные, но родные. Уткнувшись в подушку, она горько зарыдала. Впервые за свои 19 лет Галя чувствовала себя несчастной, совершенно бессильной и одинокой. Отец и мать не бросились ее утешать, как сделали бы раньше; они молчали, подавленные, угрюмые, не находя слов утешения.

После следующей своей „вылазки“ мать сообщила, что на улицах расклеен приказ: всем жителям города сдать „излишки“ продуктов. В приказе перечислялось точное количество продуктов, которое разрешалось оставить себе.

Отец Гали, кассир железной дороги, выезжая на линию, нередко привозил домой продукты. Продукты были куплены на трудовые деньги, и только они, Федотовы, были их хозяевами. Теперь, оказывается, над этими продуктами появился новый „хозяин“—немец.

— Проходимцы!—со злостью сказал отец.—Не на их деньги куплены и не для них. Давай-ка, мать, спрячем, что нужно, подальше.

Продукты припрятали, но соседки во дворе уже рассказывали, что немцы—непревзойденные ищейки и грабители, они выстукивают пол и стены, заглядывают во все щели, в каждую коробочку. Тех, у кого немцы находили „излишки“ продуктов, они увозили в гестапо. А оттуда никто не возвращается.

Несмотря на это, Федотов не понес „излишки“ врагу. Теперь каждую минуту можно было ждать ненавистных немцев. Ужас заполз в квартиру Федотовых и прочно там поселился.

Приказы сыпались на жителей города один за другим.

1. Евреям и крымчакам явиться на регистрацию. За уклонение—расстрел.

2. Им же надеть отличительные повязки и шестиугольные звезды. За уклонение—расстрел.

3. Русским, татарам и другим жителям города явиться на регистрацию. За уклонение—расстрел.

4. С 5 часов вечера хождение по городу запрещается. За нарушение—расстрел.

9 декабря 1941 года немцы зверски истребили древних жителей Крыма—крымчаков. 11—12—13 декабря—расстреляли всех евреев.

Симферополь, столица солнечного Крыма, шумный многолюдный город был превращен немецкими людоедами в огромный застенок, где пытали, расстреливали, вешали. И никто не знал, когда наступит его черед.

Галя стала выходить на улицу, квартира все равно не была убежищем от фашистских головорезов.

Уверенно, как у себя дома, расхаживали по городу немцы, белобрысые, рыжие, откормленные, с красными, наглыми рожами, и грубый стук их кованых сапог был зловец. Они расхаживали, ни на кого не глядя, плевались и сморкались чуть ли не в лица прохожим, и люди обходили их, старались быть незаметными. Стоило кому-нибудь из прохожих не вовремя посторониться от немца, и здоровый пинок сбивал неосторожного с тротуара. Слова „русише швайн“ то и дело резали слух.

Проходя мимо ворот одного дома, Галя увидела немца, который, стоя лицом к улице, оправлял естественную надобность. Он видел девушку, но не счел нужным даже отвернуться.

Вот двум немцам попался на глаза прилично одетый гражданин. Немцы знаками приказали ему следовать за собой во двор. Через 2-3 минуты человек выскочил оттуда босой, без пальто и шапки. Растерянно оглядываясь, он неловко побежал по обледенелому тротуару. Вышли из ворот и немцы с „тро-

феями“ через плечо и спокойно, мирно беседуя, продолжали свой путь, как ни в чем не бывало.

Галя ходила по улицам родного города и не узнавала его. Он стал чужим и страшным. И она тоже здесь была словно чужая.

Люди ходили по городу, но это были уже не те люди, что раньше. Одеты в старое, поношенное, лица бледны и сумрачны. И только предатели и изменники были одеты хорошо, а женщины даже крикливо. Они раболепствовали перед убийцами и делали вид, что не замечают молчаливой ненависти населения. Галя брезгливо сторонилась их, внутренне содрогаясь от омерзения.

Без всяких желаний и дум она шла на биржу труда, вернее—ее гнали туда полицейские. Ее посылали на тяжелую унижительную работу. Спустя два-три дня или две-три недели, получив отметку в паспорте, она оставляла работу до следующего визита полицейского.

Иногда встречалась со своими подругами. Они мучительно думали о том же, что и Галя, и ее мать, и соседки по двору, и все советские люди—как избежать постылой работы, как избежать встреч с ненавистными варварами, как не умереть с голоду.

Немцы ели доотвала. Кое-какие об'едки доставались предателям, псам и ищейкам немецких бандитов. Население же голодало. Магазины были закрыты, в самых красивых и больших из них немцы устроили конюшни. Базар опустел. Крестьянам не разрешали выезжать в город. Жителям города запретили выезжать в деревню за продуктами.

В фашистских газетках писалось, что в течение пяти лет все русское население будет эвакуировано из Крыма. Куда?

Весь город хорошо знал, что десятки тысяч невинных людей людоеды истребили в противотанковом рву у деревни Мазанка и в других местах.

Немцы запретили говорить, что их расстреляли, надо было говорить, что их „эвакуировали“.

Все, и Галя в том числе, были уверены, что оставшихся еще в живых немцы будут мучительно медленно „в течение пяти лет“ постепенно „эвакуировать“ таким же образом. Противотанковых рвов вокруг города хватит...

Леденела душа девушки—как жить в этом мире убийств, грабежей, насилия? Как она устала! Если бы ее спросили, сколько ей лет, она могла бы ответить: сорок, пятьдесят...

Однажды ее вместе с большой группой девушек послали на разборку зданий. Она думала, что будут разбирать здания, поврежденные бомбардировкой. Но как же велико было ее удивление, когда их заставили ломать и разбирать совершенно целые и большие дома. Оказалось, что господа немцы любят

маленькие особняки и обязательно с садиком. Выселив жителей из небольшого домика, немцы вселялись туда, но разбить садик часто мешал соседний дом. И вот такие здания, где жили десятки советских людей, дома, построенные их руками или руками отцов, эти дома она, Галя, должна была ломать и на освободившемся месте разбивать клумбы, дорожки, беседки для немецких господ!..

Голодная и злая Галя молча таскала кирпичи. Она уже ничему не удивлялась. Только одно было у нее на душе—ненависть, ненависть к немецким поработителям. За год немецкого господства у нее не было ни одного хорошего, радостного дня, когда ее посетила бы былая беспечность и веселье. Она всегда ненавидела и голодала.

Давно ли она, десятиклассница, хорошенькая, нарядная девочка, единственная дочка у своих родителей, училась, развлекалась, возносилась мечтами выше облаков? Теперь, когда душа ее была почти убита, она думала одну страшную думу: „Все равно мы погибнем“.

А враг ликовал. Стены домов были облеплены крикливыми и хвастливыми листовками и плакатами, возносившими немецких бандитов и их фюрера. Они обливали грязью все, что было дорого и свято советским людям. Каждый листок был полон лжи, провокации и человеконенавистничества. Противно было их читать. В них Галя не находила ни крупицы человеческого.

Она начала ходить в кино, где показывали только немецкие фильмы. Но и тут ничего человеческого, как это понимала Галя, не оказалось. Безмерно восхвалялась немецкая солдатчина, растоптавшая и ограбившая все народы Европы. Немцы настойчиво афишировали себя, как носителей свободы. Однако виселицы в городе убедительнее всего рассказывали о немецкой „свободе“. Во всех картинах на все лады воспевалось богатство. Восхвалялись богато одетые, холенные, окруженные роскошью барыни и господа, все достоинство которых заключалось только в том, что они богаты и поэтому счастливы и всеми уважаемы. Как крикливая реклама, во всех видах показывались красивые женщины в роскошной обстановке, шикарно одетые, полуголые. И, конечно, обладателями этого „счастья“, этих красивых самок, были только богатые мужчины.

И Галя убедилась, что в кинокартинах—та же ложь, то же человеконенавистничество. Не только взрослые, но и дети возмущались этими мерзкими растлевающими душу картинами и часто, в самом эффектном, с точки зрения немцев, месте детвора подымала неистовый свист и топот, благо в зале темно и всех свистунов-малышей не переловишь.

Вскоре у входа в кинотеатр появилась надпись: „Только для немцев“.

Впрочем, в городе вообще все было только для немцев, а для русских людей, для Гали—ничего, кроме страданий. Теперь вся ее жизнь свелась к тому, чтобы не попасть на германскую каторгу и не умереть с голоду. И она боролась, как могла.

Во время облавы ее поймали и с сотнями других девушек загнали в здание биржи. В ужасе она металась, ища выхода. Вот на одну минутку полицейский вышел из комнаты. „Все равно погибать“—быстро решила девушка и, раскрыв окно, выпрыгнула на улицу. Ей повезло, ее никто не заметил. Она быстро пошла домой. Незадолго до этого случая немцы выселили семью Гали из их прекрасной квартиры в центре города далеко на окраину, на самый край Красной Горки. Трамвай был разрушен. Отмеривая километры по городу, Галя, после бегства из биржи труда, в первый раз при немцах была радостной, возбужденной и смеялась в душе, вспоминая, как она обманула немцев и ловко избавилась на этот раз от отправки в Германию.

А жить было попрежнему голодно. Как на зло, она часто видела во сне все вкусные блюда, которыми ее кормила когда-то мать. Иногда она просыпалась с явным вкусом пищи во рту. Тогда еще злее сосало под ложечкой, и она долго не могла уснуть.

Но больше всего было жаль своих стариков: они таяли с каждым днем, согнулись, были черны от худобы и горя. И Галя решила поехать за хлебом. Пропусков немцы не давали. Ехать нужно было на риск: или она привезет хлеб, или ее поймут, все отберут и, может быть, даже отправят в Германию. Узнав у людей все подробности и уловки, она собралась в путь. Вещи, взятые для обмена на хлеб, она обмотала вокруг себя. Тоненькая, стройная Галя стала похожа на гоголевскую Коробочку. Горько плакала мать, провожая дочь. Она и несколько женщин за взятку поехали.

Скоро Джанкой. Они знали, что на станции немцы будут проверять, грабить и снимать с поезда.

Поезд замедлил ход. Сердце колотилось у девушки, потемнело в глазах. Крепко стиснула зубы. Раз!—и она прыгнула с высокой площадки и покатила под откос... За ней прыгнули и ее попутчицы. Охая они стали подниматься, поглаживая ушибленные бока, ноги, руки... Но отдыхать нельзя, надо спешить, обойти станцию, миновать немецких охотников за людьми, не упустить свой состав и снова сесть.

Вот идет „их“ поезд. Гале так страшно садиться на ходу! Побежала рядом с вагонами, быстрее, быстрее. Раз!—ухватилась за поручни, одновременно занесла ногу. Кое-как вскарабкалась на площадку и села, еле переводя дыхание. И лишь через несколько минут слезы, обильные и горячие, брызнули из ее

глаз. Она почувствовала себя червячком, полураздавленным, несчастным, и еще сильнее обожгла ее ненависть к проклятым захватчикам.

Собрались попутчицы. Галя немного успокоилась. Потом шли пешком до деревни. Выменяли вещи на продукты. На станции зарыли котомки с мукой в уголь на платформе и поехали обратно. У Джанкоя опять соскакивали на ходу поезда, снова карабкались на платформы, висели на ступенях. Наконец, она дома с запасом хлеба на две-три недели. А дальше?

Праздником для советских людей прозвучал траур гитлеровцев по 22 дивизиям головорезов, уничтоженных Красной Армией под Сталинградом. После фашистской трескотни о полном уничтожении Красной Армии блестящая победа советских войск под Сталинградом для советских людей в Крыму была безмерно радостным событием. И сколько теперь ни изощрялись гитлеровцы, их лжи никто не верил. У людей на душе стало легче. Красная Армия наступала, гнала немецких бандитов с советской земли, приближалась к Крыму...

Больше ждать, терпеть и молчать нельзя было. Душа требовала борьбы, действий.

В одну из темных ночей Галя ушла в лес, к партизанам.

К. СМЕРНОВА

В ИСТЕРЗАННОМ ГОРОДЕ

В июле 1942 года на улицах Севастополя появились немцы и румыны. Мы оказались в неволе.

Наши люди ходили голодные среди развалин сожженного города. Вместо улиц—груды камней и пепла. Воздух пропитан тяжелым трупным запахом. На Базарной площади—остатки обгоревших людей. Жить было негде. По улицам Боско, Щербака, вдоль Ремесленной жители установили ряды кроватей, разбили наспех палатки. Среди палаток копошились женщины с ребятами.

Фашисты стали все дальше угонять людей с улиц, примыкавших к морю. Давали срок—час. Кто пытался возвратиться за какой-либо утварью к себе, того расстреливали на месте. За хождение по Базарной улице—расстрел, за хождение по улицам Щербака и Боско—расстрел.

Севастополь наш родной! Твои приморские улицы обнесли колючей изгородью. Мы видели море только издали за несколько километров.

С первых же дней фашисты начали вывешивать приказы. Приказы были разные, но заканчивались они одинаково: „За

нарушение—расстрел, за нарушение—буду вешать“. За какое-то „нарушение“ расстреляли врача по детским болезням Звенигородского. Было жутко, ходили слухи о какой-то газовой машине.

Фашисты—это коварные звери, а не люди. Я однажды видела, как один из гитлеровцев протягивал ребенку конфету. Меня это удивило. Оглянувшись, я заметила другого немца с фотоаппаратом. Для меня стало ясно. Сегодня они фотографировали, а завтра этой же рукой убивали ребенка.

На Пушкинской улице что-то строили. Мы не сразу догадались, что строят виселицы. На рассвете я проснулась от нечеловеческих воплей. Кричала женщина, оплакивая повешенного сына. Позже я увидела на виселицах много молодых ребят, на шее каждого была доска с надписью: „За отказ от работы“. Севастопольцы не хотели работать на врага...

Встречала я в городе знакомых рабочих из военного порта. Знала их, как лучших специалистов, но на немцев они не работали и ходили опухшие, босые, голодные. А бежать нельзя было: на каждом шагу—жандармы, охрана.

Я с огромным трудом вырвалась из фашистского плена. То, что видела и испытала, никогда не забуду. Ни истерзанный наш город, ни замученных фашистами наших людей.

Н. ПЕРЕПЕЛКИН

„ЦИВИЛИЗАТОРЫ“

Немецкие захватчики заняли Ялту 8 ноября 1941 года. С приходом в город репродукторы, установленные на машинах, на всех перекрестках орала, что немцы принесли нам „новую“ европейскую культуру. С ней мы познакомились буквально в первые дни.

10 ноября, утром, без всякого стука широко распахнулась дверь моей квартиры, по улице Володарского. Вошел немецкий офицер, оставив за собой дверь незакрытой. На улице его ожидали солдаты. В это время жена кормила дочь, на столе был чай, хлеб, немного масла и сахара.

Офицер грубо заговорил что-то по-немецки. Было ясно, что он, показывая на меня, допытывался, „не коммунист“, не „большевик“ ли я. Потом офицер подал знак, чтобы я снял сапоги и ручные часы, а сам направился к замеченному им в углу чемодану. Бесцеремонно раскрыв его, он начал наводить в нем „порядок“. Как опытный старьевщик, фашист сортировал наши вещи. Одни он клал направо, а другие швырял налево. Понравившиеся ему шелковое платье жены, платок шерстяной, дочкино пальто и мои сапоги офицер заста-

вил жену завернуть в салфетку, сунул в карман мои часы и, окинув нас исподлобья презрительным взглядом, вышел, опять оставив дверь незакрытой.

Молча мы переглянулись с женой, не в силах даже вымолвить слово.

Но через несколько минут к нам зашли двое солдат и залопотали: „яйка“, „масло“, „цукер“, „вино“. Мало обращая внимания на наши отрицательные кивки, они, увидев на столе масло и сахар, схватили их с посудой. Затем тщательно осмотрели буфет, где ничего съестного не было, что-то покричали и ушли.

Такие „визиты“ были еще 11 и 12 ноября. В каждый из них у нас что-нибудь да забирали. Таким путем строители немецкой „новой культуры“ унесли из нашего дома три женских платья, две дамских сорочки, детское пальто, мой костюм, хромовые сапоги, двое ручных часов, две скатерти, три простыни, полотенце, три пары детских чулок и весь скудный запас масла и сахара для ребенка.

Первое время все это казалось нам невероятным: „Как можно так бесцеремонно, среди бела дня, отнимать у человека необходимое ему для жизни?“—наивно спрашивали мы друг у друга. Но после того, что я однажды наблюдал на Набережной, я перестал удивляться.

Это было в начале февраля 1942 года, часа в три дня. Когда подходил к бывшему магазину Зеленстроя, путь мне преградили немецкие солдаты. Я повернул было обратно, но увы!—позади меня тоже была цепь вооруженной фашистской солдатни.

И вот я увидел, как немец, стоявший в грузовой машине, привязывал веревку на толстый сук акации. На машине стояла одетая в легкое пальто и обутая в тапочки 10-12-летняя девочка, а рядом с нею связанные мужчина и женщина. Женщина кричала: „пощадите ребенка, пощадите“...

Палач хладнокровно пристроил петлю и спокойно набросил ее на шею девочки... Машина тронулась. Детское тело повисло в воздухе.

На следующем дереве были повешены рядом мужчина и женщина. Я слышал, как в последнюю минуту, уже с петлей на шее, стоявший в машине мужчина воскликнул: „Честно умираю за советскую власть“...

Палачи уехали. На стенах вскоре были наклеены афиши, в которых гитлеровские изверги извещали о казни семьи коммуниста Горемыкина из Кореиза, его жены Габриэли и их дочери Лиды, а также о расстреле 40 других советских людей.

Тела загубленных висели много дней.

НОСИТЕЛЬ „НОВОГО ПОРЯДКА“

Комендант города Старый Крым Броккер любил, чтобы во вверенном ему районе был всегда полный порядок.

— Порядок—это самое главное,—говорил он.

Однажды, после сытного обеда, господин Броккер сидел у окна и глядел в сад. Вдруг он заметил лошадь между деревьями. Ее хозяин, знавший „мягкий“ характер коменданта, увидев, куда зашла лошадь, пришел в ужас, быстро поймал и стал выводить ее. Броккер приказал владельцу лошади явиться к нему. И когда тот пришел, комендант стал немилосердно избивать его.

— Почему вел лошадь не за узду, а за веревку? Как смел издеваться на бедным животным? Где твоя вежливость и деликатность??—возмущался носитель „нового порядка“.

Превозмогая боль, пришедший сказал:

— Вчера, когда расстреливали четырех граждан города, моему зятю гестаповцы разбили череп прикладом и выкололи глаза. Скажите, господин комендант, где же тут вежливость и деликатность?

— Молчать!—завопил комендант и выхватил пистолет...

* * *

Коменданта Броккера можно было часто видеть на мотоцикле. Население Старо-Крымского района, слышав мотоцикл, старалось скрыться подальше от комендантских глаз.

Однажды Броккер поехал в деревню Васильевку. Навстречу ему двигалась подвода, на которой сидело несколько человек. Заметив коменданта, крестьянин стал поспешно сворачивать в сторону, подхлестывая лошадь, чтобы дать ему дорогу. Броккер под'ехал вплотную и начал кричать на кучера, что бить животных—это варварство. Суд был короток. „Жалостливый“ комендант приказал всем сидящим на подводе сойти, заставил их впрячься в подводу, а лошадей привязать сзади.

— Пока я с'езжу в Васильевку, вы должны везти подводу, иначе я вас всех расстреляю,—пригрозил Броккер.

Людам ничего не оставалось делать, как исполнить приказание. Когда они, впряженные в подводу, прошли несколько километров, Броккер нагнал их. Он стал ехать позади, пока подводу не довели до указанного им места.

— Мне все же жалко вас,—сказал он, наконец, крестьянам.—Разрешаю вам снова запрячь лошадей.

Как-то в поле двое ребят, положив цапки, отдыхали после работы. Броккер заметил это и начал стрелять по ним из револьвера. Ребята пытались убежать, но комендант остановил их и приказал за две минуты пробежать до холма и обратно. В случае, если они промедлят, то будут расстреляны.

Ребята бежали, задыхаясь от усталости, но все же успели прибежать за несколько секунд до назначенного времени. Тогда Броккер „милостиво“ отхлестал их плеткой и погнал на работу. В догонку им он несколько раз выстрелил в воздух...

Вот так и бежали ребята, задыхаясь от усталости, но все же успели прибежать за несколько секунд до назначенного времени. Тогда Броккер „милостиво“ отхлестал их плеткой и погнал на работу. В догонку им он несколько раз выстрелил в воздух...

ЖИЛИ В ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ

Образование у меня небольшое, но за годы советской власти я получил специальность лесного техника. 16 лет работал в управлениях лесами, отводил делянки к рубке, учитывал лес на корню и всегда чувствовал себя уважаемым советским тружеником.

Совсем иным все стало с приходом немцев. Их наглости, презрению к советским людям не было предела. Я часто слышал, как они обзывали наш народ гнусным словом „шайс“—дерьмом. Я прежде никогда даже замечания на работе не имел, а при немцах меня дважды сажали под арест, а один немецкий мерзавец, которому я не приготовил елки к новогодней пьянке, избил плетью.

При немцах мы жили в постоянном страхе. Что угодно могли они сделать с нами—мирными жителями. Всех лесников они пытались превратить в своих шпионов. Каждый месяц нас обязательно вызывали на допросы в гестапо. Там спрашивали, кто что видел, допытывались, не заметил ли парашютистов, не встречал ли партизан. Нет, говорю, ничего не могу сказать, такого ничего не было. Страшно злились, почему не даем „материал“, не шпионим. Мы отвечали, что рубку леса производят в местах, где партизан нет, а на других участках мы не бываем.

Вскоре после своего прихода оккупанты стали отбирать заложников и угонять в тюрьмы ни в чем неповинных людей. Фашисты говорили, что их задержат дней на десять. А пока люди сидели, эти сволочи-provокаторы сами устраивали „покушение“ на кого-нибудь из своего начальства. После такого „покушения“ расстреливали 20—25 заложников.

Когда где-нибудь появлялась черная машина, в которой возили арестованных, ужас охватывал нас. Вывозят, вывозят и никто не возвращается, и неизвестно, куда же деваются близкие люди! От этого кошмара нельзя было освободиться ни на час.

В деревню нашу Кипчак, что в Симферопольском районе, однажды нагрянули немцы с облавой. Моя жена Маруся заметила их и предупредила:

— Ваня, прячься, немцы!

Моим правилом было—фашистским собакам как можно меньше на глаза попадаться. Когда немецкое начальство появлялось в лесхозе, я благоразумно уходил в лес. На этот раз я скрыться в чащу не успел и забрался в чуланчик под лестницу, а жена принялась рубить дрова.

Бежит эта собака-немец из карателей, глаза вытаращены, пот с него льет, и еще издали кричит жене.

— Партизаны есть?

— Нет, пан,—отвечает жена,—нет.

Немец изо всей силы ударил ее два раза по уху, да так, что с той поры она плохо слышит.

Жена стала клясться, что никого в доме нет. Немец орет:

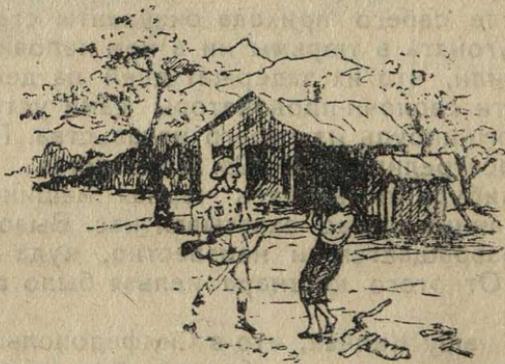
— Врешь!—поднял винтовку и наставил ее на жену.—Айн момент! Айн момент!

Маруся не сдавалась и твердила свое. Он выставил охрану вокруг дома и побежал дальше. Обошлось, миновала беда.

Невыносимо тяжело было смотреть на страдания советских людей.

В Кипчаке жил немец — уполномоченный по лесозаготовкам. Зверь, а не человек! Особенно издевался он над нашим молодым учителем. Его немец преследовал неотступно. Убивать не убивал, но житья не давал: бил его беспощадно. Невыносимой немец сделал и жизнь вдовы Кравченко, у которой была дочь красавица Нона. Проклятый фриц хотел заставить девушку увеселять его. Как только он появлялся возле дома Кравченко, Нона скрывалась, а за нее доставалось матери-старухе и всей семье.

Долго бы свирепствовал и издевался этот „уполномоченный“ над деревней, но партизаны, которые хорошо знали все наши горести, отправили его на тот свет.

ТЯЖЕЛО БЫЛО НА СЕРДЦЕ

Счастлив, кто не был под властью немцев. Чего только не пришлось пережить из-за них, проклятых! Иногда сама удивляюсь, как осталась жива.

Свое хозяйничанье в Карасубазаре фашисты начали с арестов, пыток, расстрелов. Днем и ночью рыскали они по домам, устраивали облавы на базарах. И тот, кто попадал к ним в лапы, редко возвращался домой. Люди боялись выйти на улицу, целыми неделями прятались в подвалах, на чердаках. Жили, как придавленные камнем.

Особенно страшно было ночью. На всю жизнь запомнилось мне, как я, моя квартирная хозяйка и ее дочка просиживали ночи напролет без сна, как вздрагивали, когда за окном проезжала машина, как с тревогой прислушивались к каждому стуку, к каждому шороху.

До прихода немцев я работала медсестрой в городской больнице. С их появлением оставила работу. Но медицинских работников не хватало, и меня вернули в больницу.

С тяжелым сердцем шла я первый раз при немцах на работу. Я знала, что сослуживцев не встречу. Некоторые успели уехать, часть скрывалась, а многие были схвачены гитлеровцами и погибли в фашистских застенках. Вот знакомая лестница, светлые палаты. Сколько прошло здесь хороших дней, сколько полезных знаний, сколько опыта приобрела я здесь!

Меня встретили чужие, ненавистные лица. Ставить термометры, подавать лекарство, лечить их, принесших нам столько горя,—от одной этой мысли у меня все валилось из рук...

— Шнель, шнель, поворачивайся!—этим грубым окриком начинался каждый день моего подневольного труда.

Немецкие правители вывесили приказ о принудительной отправке населения в Германию. Задавшись целью отправить туда как можно больше советских людей, гитлеровцы шли на всякие хитрости. Помню такой случай. Под предлогом танцев девушек собрали в клуб. Но вместо танцев им об'явили, что они должны утром выехать в Германию. Поднялись крики, плач, некоторые пробовали сопротивляться. Все было напрасно. Несчастливым не разрешили даже проститься с родными.

Вскоре новая беда постучалась в двери нашей квартиры. Угнали в проклятую неметчину дочку моей хозяйки.

Обвинительным актом против гитлеровских извергов звучит ее письмо, доставленное из германской неволи. Вот что она писала:

„Я пока еще жива, но здоровье очень скверное. Да отку- да быть здоровью, когда работать приходится очень много,

а кормят ужасно! Горячей пищи совсем не видим, а паек, отпускаемый на целый день, нехватает и на один раз поесть.

За людей нас здесь не считают. „Русские девки“— вот наше имя. С фабрики, на которой работаю, нас никуда не отпускают. Мне даже не верится, что и я когда-то была свободным человеком, могла делать то, что хотела. Раньше только в книжках читала про крепостное право, а теперь сама живу хуже, чем крепостная. Вокруг вижу только слезы и горе своих товарищей. Больше всего боюсь, что мне не придется увидеться с вами. Мне кажется, что я умру на чужбине. А как хочется домой, в родной Крым!“

Тяжело становилось от таких писем.

С каждым днем все тягостнее, все невыносимее было мне работать на немцев. Бывало, выполняю распоряжение, а сама только и думаю: вам бы так страдать, как страдаем мы!

Ненависть и злоба к проклятым извергам душила меня. Установила я связь с партизанами и через некоторое время ушла в лес.

М. ХОРИН

БОЛЬНИЦЫ ПРИ НЕМЦАХ

Я—молодой советский врач, только в 1941 г. закончил медицинский институт. Я не успел эвакуироваться из Симферополя и мне пришлось при немцах работать в больнице.

Хирургический корпус, где я работал, к приходу фашистов был переполнен ранеными, главным образом, горожанами, пострадавшими при зверской бомбежке города немецкими самолетами. Появившись на территории 1-й Советской больницы, немцы немедленно выгнали нас из корпуса. Мы перенесли всех раненых в корпус родильного отделения. С большим трудом разместили наших больных, но организовать должную медицинскую помощь вообще и хирургическую в частности не могли. Было тесно, негде было оперировать, нехватало инструментов и медикаментов.

Однако и это помещение показалось захватчикам слишком роскошным для русских больных. Нас выбросили сначала в помещение бывшей глазной клиники, а затем и вообще удалили с территории больницы в одну из городских школ.

В этом новом „лечебном корпусе“, где не было ни света, ни воды, ни кроватей, ни стекол в окнах, ни топлива, нам пришлось размещать больных. Все мы, врачи, медсестры, санитарки, работали, не покладая рук, стремясь облегчить страдания наших людей—раненых, обожженных, полуслепых.

В декабре 1941 года я перешел работать во 2-ю хирурги-

ческую больницу, созданную в бывшей нервной клинике. При больнице был открыт пункт „скорой помощи“. В это время немецко-фашистские мерзавцы проводили уничтожение больных в психиатрической больнице. Немцы даже забрали двух нервно-больных из нашей хирургической клиники, в которой они лежали после ранения при бомбежке. Расстрелы всех этих больных немецкие палачи производили в противотанковых рвах у животноводческого совхоза № 1.

Работая в „скорой помощи“, я невольно узнал о многочисленных случаях самоубийств среди городского населения. Люди, подавленные страшным фашистским террором, искали выход в смерти. Многие вешались, вскрывали себе вены, отравлялись угарным газом. Приведу только несколько фактов.

В нашу больницу „скорой помощи“ была доставлена женщина лет около сорока. Она перерезала себе горло. На улице Розы Люксембург, в доме № 27 повесилась молодая девушка. Смерть она предпочла рабскому труду в Германии.

Многие самоубийства являлись результатом преследований гитлеровского гестапо. Так, на Мало-Базарной улице в подвале дома № 9 повесился молодой человек, которого часто вызывали на допросы. В конце Ново-Садовой улицы по этой же причине отравилась угарным газом целая семья — отец, сын и дочь.

Каждая очередная отправка гражданского населения на каторжные работы в Германию немедленно давала себя знать в хирургической больнице. Сразу отмечался наплыв больных. Многие, не имевшие повода для операции, сами его вызывали, нанося себе нередко непоправимые увечья: ломали кисти рук, вспрыскивали себе бензин, керосин, глицерин, вызывали гнойные процессы. Чтобы избавиться от ненавистного немецкого ига, люди нередко обваривали себя кипятком. Их часто доставляли в больницу уже в безнадежном состоянии.

Вообще же население обращалось в больницу крайне неохотно, лишь тогда, когда без ее помощи уже никак нельзя было обойтись. Лечение в больнице в оккупированном Симферополе могли себе позволить только люди материально обеспеченные. За пребывание в больнице и производство операции германская администрация установила высокую плату. Необходимый для операции наркоз больным приходилось приобретать на рынке по спекулятивным ценам.

Резко сократилось при гитлеровцах и обращение населения в пункт „скорой помощи“. На весь Симферополь существовал только один пункт при нашей 2-й хирургической больнице. Вечером в больнице оставался один дежурный врач, он же являлся дежурным при пункте. Транспорта пункт не имел, телефона тоже. Пока доходило сообщение о несчастном случае, требующем скорой помощи, пока дежурный врач добирался пешком до больного, тот нередко умирал.

НЕМЕЦКАЯ ФАБРИЧНАЯ ПЛЕТКА

Облава застала меня в деревне Таку-Эли, Зуйского района.

Местный „полицай“ ложно донес коменданту, что ночью в деревне были партизаны. На следующий день в село нагрянули вооруженные румыны. Они подъехали на автомашинах. Неподалеку от деревни каратели остановились. Одни оцепили деревню со всех сторон, другие стали обходить хаты.

Перед тем как вломиться в квартиру офицер смотрел на табличку, вывешенную на дверях. Такие таблички оккупанты заставили завести в каждом доме. На табличке были записаны фамилия, имя и отчество, возраст каждого живущего в этой квартире.

Войдя в дом, румынский офицер прежде всего считал, сколько людей он застал. Всякого лишнего человека, сверх указанного в табличке, немцы и румыны причисляли к партизанам и увозили с собой. Если же кого-нибудь в хате не доставало по списку, то начинался строжайший допрос, где этот человек, куда ушел, кто разрешил. Чаще всего, если не находили кого-нибудь из жильцов, каратели забирали с собой главу семьи.

В нашем доме все были налицо. Тем не менее офицер приказал всем мужчинам собираться. Нас под конвоем отправили в школу. Туда же гнали мужчин из других хат. Скоро было согнано все мужское население деревни.

Тогда началась порка. У нас ничего не спрашивали, нас ни в чем не обвиняли. Нас „учили“. Румыны заставляли каждого снять штаны. По голому телу каратели зверски секли резиновыми палками. Они приговаривали, что плеть отучит нас связываться с партизанами. Каждому нанесли по 25—30 ударов.

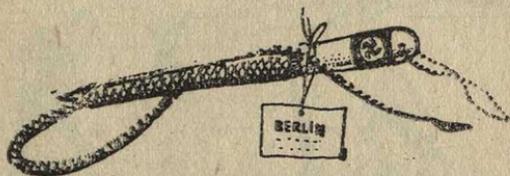
Я думал, что немцы и румыны били нас кусками толстого кабеля. Но потом, когда ушел в партизаны и мне в руки попался немец со своей резиновой плеткой, я хорошо рассмотрел ее и убедился, что ошибался.

Плетка сделана из металлических прутьев, покрытых литой резиновой оболочкой. Ручка плети толстая. Сама плеть длинная, как хлыст, и к концу сходит на нет. Такую штуку сам не сделаешь. Придумала же ее какая-то гадючья немецкая голова для мучения людей. Производят ее не кустарным способом и не по несколько штук, а на специальных фабриках сотнями тысяч или миллионами для умирения немецких рабов.

Главный людоед Гитлер изобрел специальные автомобили, чтобы душить советских людей, и большие заводы в Берлине

выпускают их таким же порядком, как танки и самолеты. Другие людоеды занялись выпуском плетей. Проклятые немцы! Вместе с заводскими душегубками они пришли на нашу землю, приготовив фабричные плети для избиения советских людей.

Когда ко мне в руки попался немец со своей резиновой плеткой, то я первым делом попробовал на его поганой шкуре, как она действует. Ничего, действует безотказно!

Вместе с заводским документом
предоставляется для хранения в архиве
и в дальнейшем для использования в
целях, предусмотренных в законе
и в других документах.

Работавладелец

Г. ВИКТОРОВ

„ОБЩИНЫ“ ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА

Фашистские оккупанты ликвидировали колхозы в Крыму и образовали так называемые „общинные хозяйства“. В этих „общинных хозяйствах“ плетью германских комендантов гитлеровцы принуждали крестьян к подневольной работе.

— Как только заявили к нам немцы,—рассказали колхозники сельхозартели им. Кагановича в деревне Бура, Симферопольского района,—они собрали всех жителей. На сходе немец объявил: „Колхоза больше не будет, создается община. Вы в ней будете шесть дней работать на нас, седьмой—на себя. Смотрите, чтоб на общинные поля выходили все без малейших опозданий и не уходили с работы раньше срока. Кто будет нарушать наш новый порядок, тот получит розги, плети. Вот вам бригадир, староста, полицейские, комендант...“

Захватчики принуждали работать, не разгибая спины, и держали людей в постоянном страхе. Старавшийся выслужаться перед немцами бригадир Пантелей Заикин все покрикивал на нас:

— Плетки, плетки вам надо, тогда будете лучше работать!

С этой плеткой ежедневно приезжал из Усеин-Аджи участковый комендант Гертель, злой, жестокий, ненавистный. Его плетка из проволочных прутьев с желтыми и зелеными полосками изгибалась как змея. Когда он появлялся, мы вздохнуть боялись, работали ни живые, ни мертвые. В любое время мог нагрянуть и Шайб—главный комендант ВИКО (сельскохозяйственного управления) из Симферополя.

Наша деревня стоит на бугре, и нам было видно, когда ехал комендант. Но чаще всего мы выставляли своего дозорного, чтобы комендант не заставал нас врасплох. А однажды все-таки застал. В табаководческой бригаде женщины и девушки решили отдохнуть. Откуда ни возьмись—комендант. Обычно он приезжал на линейке, а тут прискакал верхом. Метров за пятьдесят комендант заметил сидящих женщин и велел им строем бежать к нему. Когда они запыхавшись прибежали, комендант стал бесноваться, как разъяренный

зверь, и задал каждой непосильную норму—убрать до вечера 500 квадратных метров табачной плантации. А полеводческой бригаде был тоже задан тяжелый урок—за десять дней убрать 50 гектаров кукурузы. Конечно, за такое время никак нельзя было ее убрать.

Весь хлеб, овощи и табак немцы забирали себе. Нам сулили по 300 граммов проса или ячменного последа на трудодень. Но и этого не выдали. Фашисты требовали, чтобы крестьяне предварительно выполнили все грабительские задания по сдаче продовольствия и уплатили налоги.

Рабскому труду в „общинных хозяйствах“ сопутствовала система издевательств и репрессий, бесчисленных налогов, штрафов и телесных наказаний.

Служба поддержания внутреннего порядка в селе должна быть служба дубинки—установили германские крепостники.

Эта „служба“ неуклонно осуществлялась немецкой администрацией.

В деревне Усеин-Аджи комендант избил женщину за невыход на работу из-за болезни ребенка. Он же высек плетью 16-летнего мальчика за опоздание на работу. В деревне Джефар-Берды фашисты избили 60-летнего Илью Степановича Леусенко за то, что он, не понимая немецкого языка, не выполнил их приказания. В деревне Бура бригадир—немецкий прихлебатель, выбил зубы 70-летнему старику Порфирию Куницыну.

В деревне Чавке комендант оштрафовал на 200 рублей Анну Пельтик за то, что она не вышла на работу после перенесенной тяжелой операции. Затем ее, еще больную, отправили на окопные работы в Керчь. В этой же деревне за невыход на работу и неподчинение старосте Павел Маркович Федоренко был оштрафован на 300 рублей. В деревне Эфендикой за медлительность на работе избивали не только взрослых, но и детей. „Провинившихся“ ребят полицейский вызывал на конюшню и там стегал плетью.

Колхозники не хотели гнуть спину на поработителей. Весной поля были безлюдны. Тогда вооруженные гитлеровцы силой выгоняли людей в поле. Не было тягла. Немцы заставили запрячь уцелевших коров в плуги, бороны, сеялки.

Из-под палки проводили уборку урожая. В деревню Бура немцы и румыны привезли молотилки, согнали крестьян и заставили их обмолачивать хлеб. Все зерно прямо из-под молотилки немцы и румыны тотчас увозили в деревню Усеин-Аджи в свой склад. Во время молотьбы сюда на самолете пожаловал из Симферополя сам господин Шайб.

— Вырастили мы пшеницу, но ни зернышка нам не попало,—говорили крестьяне.

В деревне Мушкой зерно ссыпали в „общинный“ амбар, но здесь оно не залежалось.

— Подъезжала немецкая машина к амбару,—рассказал бывший староста „общины“ Дуда.—Солдаты нагружали ее зерном и укатывали. Осмелишься попросить расписку, солдаты показывают мне приклад: вот, мол, тебе расписка!

Заставив колхозников под угрозой штрафов, ареста и расстрела убирать урожай и обмолачивать хлеб, гитлеровцы спешили отправить его в Германию. Весь хлеб до единого зерна вымели они из „общинных“ амбаров. Наложили немцы лапу и на личное хозяйство крестьян, на их приусадебные участки.

Две трети урожая с личного хозяйства надо было сдавать немецкому „сельхозуправлению“, а из оставшейся третьей части выделять добрую долю на содержание старосты, полицейских и другой администрации „общины“.

Забрали гитлеровцы и весь урожай овощей. Они требовали больше, чем даже можно было собрать. Огородник „общины“ деревни Усеин-Аджи рассказал:

— Немцы потребовали от „общины“ сдать 50 тонн помидоров. Я не мог выполнить это требование. Такого количества помидоров не было на огороде. Тогда фашисты оштрафовали меня первый раз на 300 рублей, второй раз—на 600 рублей, а затем отобрали корову.

Фашистские захватчики уничтожили животноводческие и птицеводческие фермы в колхозах. Весь колхозный скот они угнали. У тысяч колхозников отобрали коров, овец, птицу.

Это „хозяйничанье“ немцев старик кузнец Герасим Безменов из деревни Нейзац так описал в своих бесхитростных частушках:

„Фрицы Крым родной забрали,
Немец жаден, все учел,
Скот побили, кур покрали,
Добрались и до пчел“.

В первое время немцы и румыны грабили крестьян по-вально, беспорядочно: солдаты резали коров, свиней, кур. Потом фашистские захватчики через „общину“ стали грабить планомерно, организовано. Были разработаны „планы“, „задания“ и „нормы“ поставок кур, яиц, молока для каждой „общины“ и для каждого жителя деревни. Крестьянин должен был сдать по две-три курицы и 80 яиц в месяц. Немного спустя „норма“ сдачи яиц увеличилась до 90, а потом выросла до 120 штук.

Крестьяне говорили: „Кур нет, куры зимой не несутся“.

За такие разговоры староста и полицейские били, штрафовали.

— Мне было предложено сдать 80 яиц—рассказала Маслюкова П. Г., из деревни Бура.—А где я могла взять их, когда у меня не было кур? Пошла к коменданту, плакала, просила отменить задание. Мерзавец вытолкал меня в шею. Пришлось купить 80 яиц на базаре и отдать их немцам.

С каждой коровы надо было поставлять фашистам вначале 300 литров молока, потом 500, затем 700 литров. За несвоевременную сдачу молока гитлеровцы накладывали штраф и отбирали коров. В деревне Бура была забрана корова у Екатерины Степановны Глобиной. Увели корову со двора Павла Ивановича Карпенко из деревни Джафер-Берды.

— Ходил я,—рассказал П. И. Карпенко,—жаловаться в комендатуру, там посмеялись и выгнали меня.

— У меня,—говорит Мария Степановна Шевченко из деревни Ангара,—была сытая, здоровая корова. Она давала хорошее молоко. Но немецкий ветеринар нашел в ней какой-то изъян, и я вскоре получила такое предписание: „Извещение. Гр. Шевченко Марии. К 6 часам утра 27/VI 42 г. вы должны обязательно привести корову с налыгачем в сельповский гараж по приказу германского командования как тобиркулезная. Управляющий—Фролов. Бухгалтер—Тодырыди. 25.VI. 42 г.“ Как ни упрашивала, как ни умоляла я, забрали изверги кормилицу, а мне уплатили 40 марок!..

В деревне Чавке комендант за несдачу молока отобрал корову у Иосифа Сапоушко.

На приемочных молочных пунктах, устроенных немцами в „общинах“, измерялась и учитывалась жирность сдаваемого молока. Если она была низкой, приемщики увеличивали „норму“ сдачи молока до 1000 литров. А откуда возьмется жирность в молоке, когда немцы и румыны увезли все сено и весь фураж и крестьянам нечем было кормить коров?

Потом гитлеровцы стали отбирать все молоко, без всякой „нормы“. По приказу коменданта жители утром и вечером приводили коров на приемочный пункт. Здесь в присутствии надсмотрщиков коров доили, и все молоко, до капли, оставалось на пункте.

Фашисты выжимали из крестьян последние соки всякими „подоходными“, „подворными“ и „подушными“ налогами. Каждый деревенский житель был обязан ежемесячно платить 24 рубля подушного налога и 100 рублей за собаку. За несвоевременное внесение налогов взималась пеня, накладывался штраф, применялись телесные наказания.

Фашистские разбойники оптом и в розницу, в „общине“ и вне „общины“, грабили и разоряли крестьян.

МИЛОСТЬ ГОСПОДИНА КОМЕНДАНТА

Ласковое крымское солнце скрылось за горизонт. Край неба на западе был расцвечен красками нежнейших оттенков. С земли, нагретой солнцем, подымался теплый воздух. Молодая зелень и полевые цветы распространяли благоухание. Хороша весна в Крыму!

Прасковья Ивановна стояла у перекопанной грядки и не торопилась уходить домой. Еще молодое лицо прорезали несколько глубоких морщин, оно было темное и сумрачное. Женщина не видела и не чувствовала бодрящего, радостного весеннего возрождения природы. На сердце были тоска и гнев.

Только что бригадир обмерил вскопанный ею участок земли. Сегодня она выработала двадцать сотых трудодня.

— Попробовали бы вы, паразиты, пахать лопатой вместо трактора и плуга,—возмущенно думала она.

Перед глазами вставал немец Шу—комендант, „рыжая обезьяна“, как шопотом называли его колхозницы.

Выхоленный, надменный и грубый, до блеска выбритый, начищенный, надушенный, здоровенный, как бык, он всегда сердито лаял на крестьян. Вместе с ним ворвалось в их милую Васильевку все страшное—расстрелы, побои, голод и каторжный труд.

И вспомнилось другое время, время весенней пахоты в колхозе. По деревне прогрохочут тракторы. Дети, как галчата, вьются вокруг трактористов и благоговейно следят за каждым их движением. И счастлив тот, кому выпадет честь подать ключ или отвертку.

Председатель колхоза в те дни особенно серьезен и озабочен: ни одной минуты простоя тракторов не должно быть по его вине. Больше всех волнуется кухарка, тетя Фрося: сегодня обед должен быть особенный, как в большой праздник.

Волнуются и девочки в деревне: ведь на вечернем гулянье будут знатные кавалеры—трактористы.

Поля вспахивали и засевали в несколько дней—и начало богатого колхозного урожая положено.

Это было всего полтора года назад. Но как все изменилось с тех пор! Теперь при немцах землю „пашут“ лопатами, вручную. На работу выгоняют все население деревни. Осмелюсь только кто-нибудь не выйти!

В первые месяцы хозяйничания немцев пробовали женщины, имея уважительные причины, оставаться на день дома. На второй день этих женщин вызывали в комендатуру. После вызова они ходили в синяках от побоев. Избитые и униженные, они не поднимали глаз на людей и молчали. Жаловаться было

некому, а роптать опасно. Впрочем, при немцах люди вообще мало разговаривали между собой и больше молчали. Каждый про себя вынашивал тоску по былой воле и крепкую веру, что не вечно будет господство немецких насильников, что Красная Армия придет и избавит от немецкого рабства.

А пока все взрослое население гнали копать землю от зари до зари. Голодные дети брошены дома. Среди женщин много больных и слабых, но никому нет пощады от подневольной, ничем не оплачиваемой работы, все плоды которой немцы полностью заберут и увезут к себе, в проклятую Германию.

Прасковья Ивановна стояла у своей грядки. Ломило спину, болели руки и ноги. Трудно добраться домой, да и не хотелось. Дома хлеба нет. Дети голодные, плачут. И вдруг, решившись, она пошла, но только не домой, а в контору—просить хлеба. Там стояло еще несколько женщин и робко, униженно вымаливали хлеб.

Комендант Шу сегодня был великодушен. Он велел счетоводу подсчитать трудодни женщин и выписать им по 25 граммов зерна на трудодень. Такова норма—25 граммов! Горсточка зерна за 3—5 дней каторжной работы.

Пришла птичница получать зерно для кур. Комендант распорядился выписать по 30 граммов зерна на каждую курицу.

— Да, да, такова норма—30 граммов,—сказал он хозяйственно важно.

И вдруг его охватило веселое настроение. Ему пришло в голову остроумное сравнение.

— Курица—30 граммов, рус—25 граммов. Ха-ха-ха!.. — заржал он от удовольствия. Безобразные губы его растянулись до ушей, обнажив редкие желтые зубы, заплывшие жиром глазки без ресниц почти совсем закрылись. Он не увидел той смертельной ненависти, что мелькнула в глазах женщин. Они опустили головы, угрюмо молчали.

„Звери немцы, страшные звери!—думала Прасковья Ивановна.—Они решили нас уничтожить, но не сразу, а постепенно уморить голодом. Какие хитрые бестии! Но, погодите, придет пора, и Красная Армия отомстит вам за муки русского человека!“

Где-то в лесу были партизаны. Время от времени в деревне находили газету „Красный Крым“. С замиранием сердца читали крестьяне правду о героической борьбе Красной Армии и всего советского народа с злейшими врагами человечества. Жители села помогали партизанам. Вскоре муж Прасковьи Ивановны присоединился к народным мстителям.

Однажды темной осенью ночью в деревне началась стрельба, суматоха, крики. Партизаны напали на комендатуру. Настал час расплаты с господином Шу и его приспешниками за голод и побои советских людей, за хлеб, увезенный в Германию.

Расквитавшись с немцами и предателями, народные мстители ушли обратно в лес. Вместе с ними решили уйти десятки крестьян. В их числе была и Прасковья Ивановна. Она находилась в последних месяцах беременности, но бодро шла три дня и три ночи в чувяках по глубокому снегу. Она бежала от немцев, как от чумы.

Наконец добрались до партизанского лагеря. Прасковья Ивановна удивилась тому жизнерадостному, даже веселому настроению, которое царило здесь. Люди разговаривали громко, шутили, смеялись. Обсуждая подробности какой-нибудь вылазки, бойцы вспоминали смешные эпизоды, как будто и не подвергались смертельной опасности.

Несмотря на свое недомогание, Прасковья Ивановна сразу почувствовала себя здесь нужным человеком. Она готовила пищу, стирала белье, штопала. На душе ее было радостно и легко. Она была среди своих, видела постоянную товарищескую заботу о себе, чувствовала себя человеком.

Вот это забытое при немцах и вновь родившееся ощущение, что ты человек, это и было источником радости Прасковьи Ивановны.

Приближались роды. Малюсенькому человеку будет неудобно зимой в лесу во вражеском окружении. Прасковью Ивановну эвакуировали из леса.

Вскоре она родила и начала воспитание сына, спасенного партизанами от немецкого рабства. Ему она расскажет о двух мирах, в которых ей пришлось жить.

Л. НИКОНОВ

ИХ ЖАДНОСТЬ НЕ ЗНАЛА ПРЕДЕЛА

Спустя, примерно, месяц после прихода немцев в деревне Кзыл-Коба, Симферопольского района, был проведен переучет населения. Выяснив наличие людей, немцы заставили их ходить на лесозаготовки. В расклеенном по деревне распоряжении районный комендант грозил расстрелом за малейшее уклонение от работы. Староста всеми силами старался исполнить приказание своих господ-немцев и заставлял работать всех, даже детей и глубоких стариков.

Как-то в деревню прибыла немецкая агитмашина. Она остановилась в центре села. Немецкий офицер стал рассказывать, что создан новый порядок землепользования, согласно которому каждый крестьянин, добросовестно и покорно выполняющий требования немецкого командования, по специальному ходатайству коменданта может оставить „общину“ и перейти в сельхозтоварищество, состоящее из 8—10 человек. Если

крестьянин в дальнейшем, будучи членом товарищества, сдаст немцам определенное количество зерна, он, опять-таки с согласия коменданта, может стать единоличником. При этом ставилось еще одно очень важное условие: для того чтобы стать единоличным хозяином и получить землю, следовало быть политически благонадежным, с точки зрения немцев, т. е. быть верным холоум фашистов.

Крестьяне не верили ни единому слову немецкого пропагандиста. „Земля будет ваша, а все, что вырастет на земле—наше“,—так понимали они слова распинавшегося фашиста. В селе не нашлось ни одного человека, который решил бы стать единоличным хозяином. Хотя крестьяне под угрозой наказания и выполняли требования фашистов о сдаче продуктов, обрекая свои семьи на голодную жизнь, все же никто из них не заикнулся, что он намерен получить землю из рук немецко-румынских захватчиков и вести хозяйство отдельно.

Грабительский характер „нового порядка“ крестьяне видели на многих примерах и прежде всего на тех нормах сдачи продуктов, которые установили немцы. Эти нормы все время возрастали. Норма на сдачу молока, например, была установлена сначала в 250 литров, затем ее увеличили до 500 литров, потом до 700 литров.

Но и этого немцам было недостаточно. Их жадность не знала предела. Они установили новую форму грабежа крестьян.

При каждой участковой комендатуре были созданы молочные пункты, куда крестьянин обязан был рано утром привести свою корову. На пункте доили коров и забирали молоко, затем румынские солдаты гнали коров в лес, а вечером—опять на пункт. Тут коров доили второй раз. Молоко опять забиралось. Теперь уже хозяева должны были уводить своих коров к себе на двор, чтобы утром, покормив их, снова доставить на пункт. Мало того что крестьянин не имел молока от своей же коровы, он обязан был кормить ее для немцев и румын—любителей молока.

В июне 1942 года в деревню приехал румынский офицер, капитан Усеин Себап. Собрали всех крестьян на сходку, и офицер заявил, что Крым в дальнейшем будет принадлежать Румынии, поэтому южное побережье Крыма занято румынскими солдатами и что после падения Севастополя румынские солдаты больше воевать не будут.

Но оказалось, что немцы обманывали не только нас, простых крестьян на захваченной территории, но и своих „союзников“.

Не прошло и двух месяцев, как румынские войска по приказу немцев были отправлены дальше на фронт. После этого среди румын в Крыму можно было часто наблюдать недовольство германским командованием. Были случаи драк румын с немцами.

В середине 1943 года немцы стали насильно угонять жителей деревни на строительство военных укреплений на Керченском полуострове. Гнали туда поголовно всех—стариков, женщин, детей. Босые и голодные, они вынуждены были работать днем и ночью. Многие погибли от голода и свирепствовавших там болезней, а многих расстреляли.

А. НЕЧЕПУРЕНКО

ГРАБИТЕЛИ

Наш колхоз „Дружба“ находился в восьми километрах от Симферополя. Он объединял 150 семейств. При советской власти жили мы хорошо. На полях собирали обильный урожай золотистой пшеницы, полновесного ячменя, картофеля.

С приходом немцев в Крым кончилась привольная жизнь. Колхоз „Дружба“ немцы превратили в „общину“ Константиновка. Колхозные фермы разграбили, угнали более ста коров, много свиней.

Пришла первая подневольная весна. Основной массив засевали сообща. Немцы обещали большую часть урожая с этого участка раздать населению.

Наступила осень. Закончилась долгожданная уборка урожая. Но не только собранное с общего массива, но еще и значительную часть урожая с приусадебных участков немцы забрали себе.

Поборы пошли во-всю. Особенно старались немцы и руины своими налогами лишить крестьян скота. Скоро в деревне не осталось ни одной коровы, ни одной телки.

Немцы переписали ульи и предложили сдавать весь мед. Опасаясь утайки, они каждый день проверяли соты. За не сдачу—штрафы, угрозы расстрелом.

Всем этим грабежом в группе наших селений руководил немецкий офицер Шайб, высокий и толстый, до-нельзя наглый и грубый фриц.

Каторжный, подневольный труд был тем более тяжелым, что работать приходилось на заклятого врага. Нормы выработки давали непосильные. Тех, кто не выполнял нормы, угоняли на окопные работы, у них отбирали приусадебные участки и все имущество.

Наша жизнь при немцах может быть определена немногими словами: непосильный труд, горькие обиды, голод.

Немецкие бандиты отобрали хлеб, скот, картофель, фрукты. Вчистую ограбили фашисты колхоз и людей. Перед тем как

немцы хотели увезти последние подводы с хлебом, мы дали знать партизанам. Те приехали на машинах с прицепами и нагрузили их мешками, приготовленными немцами.

На этих машинах уехали в лес и мы.

А. КОТОВ

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Деревни Карловка, Новая и Старая Бурульча расположены друг возле друга вдоль речки Бурульча. Лес от них далеко— 18 километров. А вдоль речки—богатые заросли кустарника. Издавна жители этих деревень брали воду из Бурульчи, а на топливо рубили кустарник.

Боясь связи населения с партизанами, немцы запретили подходить к реке и кустарникам.

— Кто будет ходить к речке и срубит хоть одну ветку, тот заплатит штраф тысячу рублей или получит месяц принудительных работ,—так объявили немецкие старосты.

— Как же быть?—говорили между собой крестьяне.—Колодцев нет, воду с гор нам всегда Бурульча приносила. А без дров горячего не сварить.

За водой и за дровами стали ходить тайком, крадучись, когда темнело.

— Ну, сынок, сходи, принеси хоть пару веток, сварим что-нибудь,—сказала как-то Прасковья Харламова из деревни Карловка своему десятилетнему сыну Косте.—Ты маленький, тебя не тронут.

Но надежда Прасковьи Харламовой не оправдалась: немцы не пощадили маленького Костю. Вскоре послышались автоматные очереди. Стреляли немецкие жандармы. Их мишенью был Костя с охалкой хвороста.

Мальчик бежал, подгоняемый пулями, свистевшими вокруг. Вот он упал, приподнялся и опять свалился, обливаясь кровью. Пули пробили ему бок.

После этого случая крестьяне несколько дней боялись ходить к кустарникам и к реке. Но необходимость заставляла. Без воды не проживешь. И ценою жизни они добывали воду и дрова.

Одна женщина в Новой Бурульче ночью пошла к речке. Часовой заметил женщину. Прогремели выстрелы, и женщина упала мертвой. И вода, которую она несла своим детям, смешалась с ее кровью...

ВО ВЛАСТИ МАРОДЕРОВ И УБИЙЦ

Два года я жил под игом фашистов в деревне Кучук-Узень. Алуштинского района. Два года! Трудно найти слова, чтобы выразить всю свою ненависть, презрение и проклятие немецко-фашистским захватчикам.

С появлением оккупантов население деревни спряталось по домам. Оно боялось даже открыть форточку и посмотреть, что делается на улице. Все ждали смерти, которая нависла над нами.

На следующий день, рано утром, вошли к нам во двор два румынских солдата и спросили у вышедшей в коридор десятилетней девочки:

— Кто есть дома?

— Никого нет,—ответила она дрожащим голосом.

Ударив раза два девочку прикладом, они вломились в дом, выгнали меня на улицу и приказали стать в строй уже находившихся у нашего дома людей. Погнали нас, как стадо овец, в румынский штаб. Тут открылось собрание. Надо было, как говорил немецкий офицер, избрать старосту и полицейских для наблюдения „за порядком“ в деревне. Все молчали. Тогда офицер прочел список лиц, назначаемых в полицейские. Назначили и старосту. Это были исключительно те, которых при советской власти судили или за преступные дела высылали за пределы Крыма и которые, отбыв наказание, успели вернуться, все „бывшие люди“—миллифирковцы и велибраимовцы.

На этом же собрании был зачитан список лиц, которые должны были идти закапывать трупы немцев и румын, убитых в боях с частями Красной Армии вблизи деревни.

Придя домой, я наткнулся на румынских солдат, которые обыскивали мою квартиру. Они расшвыривали вещи, взламывали чемоданы и сундуки. Долго рылись в них и, не найдя ничего ценного, забрали полотенце, пару носков и пять кусков сахара, которые спрятала жена для грудного ребенка. Мой 60-летний дядя стал их просить, чтобы оставили сахар. Один из румын наставил на дядю винтовку и предупредил, что за такое сопротивление его расстреляют.

Прошли дни. Грабеж принял более широкий масштаб. Все, что было у крестьян,—табак, вино, фрукты, продукты питания—все было отобрано немцами и румынами.

Я попытался проехать в степной район за продуктами. На симферопольском вокзале садиться в поезд было опасно. Пошел в Каракият. Там меня с несколькими другими людьми задержал немецкий офицер и, загнав в тюремный вагон, отправил обратно в Симферополь. Здесь сотни арестованных

сидели в тесном и грязном подвале. В нем я пробыл двое суток. На третий день я пообещал часовому бутылку вина и с его помощью бежал. Но недалеко. На вокзальной площади меня опять поймали и отправили уже в трудовой лагерь. Работа в лагере была чрезвычайно тяжелой, и каждый день здесь погибали от болезни и голода десятки людей. Восемь дней пришлось мне проработать в лагере, а на девятый я снова бежал. Еле добрался до своей деревни и уже больше никуда не ездил.

Немцы объявили населению, что каждому возвращается земля в индивидуальное пользование. Но когда появились в садах плоды и созрел виноград, немцы поставили румынских солдат, и никому из крестьян не досталось ни одной груши, ни одного яблока, ни одной кисти винограда. Только ночью, когда уже спали румынские часовые, некоторым крестьянам удавалось пробираться в сады. Но многие из них попали в руки румын и были убиты.

Однажды ко мне пришел немецкий холуй, раскулаченный, неоднократно судившийся при советской власти Юсуф. В руках у него были три тетради. В одной из них он записывал людей на службу к немцам, в другой — не желающих служить им, а в третьей записывал больных.

— Вы какой-то подозрительный человек, — сказал он мне. — Дома никогда не бываете, часто ходите за дровами в лес, исчезаете из деревни по неделям и ездите неизвестно куда. Если подобные случаи повторятся, я вынужден буду вас наказать.

И тут же он предложил мне записаться на службу к немцам. Я стал его убеждать, что я к службе совершенно не годен, что у меня есть дети, которых надо кормить. Он разъярился и крикнул на меня:

— Подожди, ты у меня будешь танцевать, как миленький!

Прошел месяц. Семье моей стало жить еще хуже. Есть было нечего. Я с большими трудностями добыл пропуск для поездки в степную часть Крыма, чтобы приобрести немного муки. Продал последнее платье жены. Но когда я уже собрался, у выхода из деревни меня задержал полицейский и повел в штаб. Там меня ждал староста Абибула. Он сказал мне, что в течение четырех дней я не имею права выходить из села.

Вернувшись домой, я от жены узнал, что меня собираются арестовать и что надо на время скрыться из деревни. В это время на улице были расставлены румынские часовые, и никого из деревни не выпускали. С наступлением темноты я взял топор и веревку и ушел в лес. Вернулся через 10 дней. Опять меня вызвал староста.

— Ты, наверно, помогаешь партизанам, — сказал он. — Каждый вечер являйся в штаб и расписывайся, чтобы мы знали, что ты действительно находишься дома.

Меня включили в список заложников и предупредили, что за каждого убитого немецкого солдата расстреляют и меня и еще двадцать девять человек.

В деревне Кучук-Узень немцы разрушили четыре табачных сарая. Доски и столбы пошли на строительство укреплений. Прекрасное здание больницы захватчики превратили в конюшню. Все подводы у жителей отняли румыны. Моего дядю арестовали за то, что он не хотел отдать свою подводу румынам, и, несмотря на холод и дождь, погнали пешком в Алушту и посадили в тюрьму.

Так шла наша жизнь долгих два года. Мы не имели ни времени, ни места, чтобы спокойно поговорить друг с другом. Однако, несмотря на репрессии немецко-фашистских властей, населению Крыма были известны все успехи доблестной Красной Армии. Все честные советские граждане Крыма ждали часа своего освобождения от фашистской кабалы. К нам часто попадала газета „Красный Крым“ и отдельные листовки. С большой жадностью мы их читали и тайком передавали другим.

Е. СТАСЬКО

В ПОГОНЕ ЗА РАБАМИ

В Крыму я видела немцев за двумя занятиями: ловлей советских людей для посылки на работу и истреблением их. Второе почти не отличалось от первого. Немцы заставляли так работать, что неминуемо доводили до смерти. Наши люди хорошо знали это. Вот почему население с таким упорством старалось избегать „трудовой мобилизации“. Люди спасались от верной гибели.

Фашисты с большой тщательностью организовали ловлю советских людей. С первых же дней прихода немцев жители оказались в тисках аппарата, который должен был поставлять для Германии рабочую силу, а проще сказать—рабов. Это я, советский метеоролог, испытала на себе.

Немцы часто об'являли регистрации. Это было похоже на инвентаризацию имущества. Эти от'явленные убийцы и воры как будто проверяли, не украли ли у них какую-нибудь вещь... Полиция, биржа труда и другие органы—все регистрировали. А отметки? А проверки? Семидневные, двухнедельные, месячные. Регулярные. Неожиданные. Любые.

Скрыться от глаз фашистов мирным жителям было очень трудно, почти невозможно. И все-таки многие ускользали. Уходили в деревни, меняли квартиры, превращались в кочевников.

Собачий бег по кругу! Но чего не сделаешь ради того, чтобы не расстаться с родной землей...

Я решила уйти из Карасубазара в деревню Эфендикой к родным. И попала из огня да в полымя! Чуть ли не на другой день в числе шести других девушек я была намечена к отправке в Германию.

Я твердо решила избежать фашистского рабства. Вернувшись в Карасубазар, я и не подумала показываться на биржу труда. Четыре месяца пряталась в городе. Где только ни побывала! Немцы стали практиковать ночные облавы. Одну облаву я переждала, забравшись в собачью будку. Что я только не передумала за долгие часы, скорчившись в тесной вонючей конуре...

В Карасубазаре я познакомилась с одним шофером. Никакого особого чувства я к нему не питала, но он протягивал мне братскую руку помощи: замужних женщин тогда еще не брали в Германию.

Мы переехали в Симферополь.

Однажды я прочла, что начинается мобилизация женщин рождения 1920—1925 годов. Пункт сбора и медосмотра—в казармах на Эскадронном переулке. Мой год был вызван на 16 апреля. Думаю: „Не пойду и приму свои меры“. Но 17-го на рассвете в двери вломился полицейский, приказал взять с собой одеяло, ложку и кружку и следовать за ним. Оказалось, что арестовали не меня одну. Полицаи согнали больше ста человек в большую комнату на третьем этаже казармы. Все ужасно волновались, иные истерически смеялись, многие рыдали. Мы прощались с жизнью, с Родиной. Но многие смело говорили: „Будь, что будет, а на каком-нибудь полустанке обязательно удерем“.

Перед обедом в комнату втиснулся прыщеватый немец и стал раздавать книжонки, в которых писалось, как русским хорошо в Германии. На обложке была нарисована сытая краснощекая работница в вышитой рубашке. Арестованные тут же разрывали полученные листки.

Часов в пять вечера какая-то белокурая девушка, отчаявшись вырваться отсюда, выбросилась из окна и разбилась на смерть.

Случаев самоубийства из страха перед угоном на фашистскую каторгу бывало много. Девушки принимали яд, вскрывали вены, делали подкожные впрыскивания, прививали различные болезни. На все шли русские люди, лишь бы только не стать рабами у немцев.

Выстроились мы в очереди перед медицинской комиссией. Служащий биржи труда спрашивал нас: „Вы добровольно или по мобилизации явились сюда?“. Бешеную злость вызвал у меня этот вопрос. Мерзавцы! Палками загнали в эту казарму и еще смеют издеваться, лицемерно спрашивать, не собствен-

ное ли горячее желание очутиться в Германии привело нас сюда!..

Я наблюдала, как работала медкомиссия. Раз-два—и готово. „Годна. Ступай!“—вот и все ее заключение для девяти из десяти. Меня признали беременной, значит, негодной: на что я им нужна такая. Выписали рецепт, дали какую-то микстуру. Приказали пить и вновь явиться через две недели. Я поняла: немцы хотят убить плод и, все-таки, заарканить меня.

Лекарство я выплеснула у выхода, на улице.

Не все мои товарищи сумели ускользнуть от немецких охотников за рабами. Сколько тысяч рабов проливает горькие слезы на чужбине. Сколько погибло уже под непосильным бременем рабского труда.

Д. МАКАРЫЧЕВА

ОНА НЕ РАБОТАЛА НА НЕМЦЕВ

Двадцать лет трудилась Мария Семеновна Нагулова на различных предприятиях Симферополя. Работа стала ее насущной потребностью, делом ее чести. И вдруг все оборвалось. Немцы захватили город, и Мария Семеновна оказалась вынужденной сидеть дома в непривычной тишине и бездельи.

Но захватчикам понадобились ее руки.

Появились приказы о регистрации и явке на биржу труда. В приказах—угроза: за неподчинение—казнь.

Гнев душил работницу Нагулову: как немцы могут заставить ее работать на них, паразитов?! Нет, этого не будет. Но что делать? Как избавиться от работы на врага?

День и ночь сверлил мозг этот вопрос.

И вот, однажды, ее старая подруга шопотом, хотя в квартире никого, кроме их двоих, не было, сообщила ей секрет своей дочери: она растравила себе рану на ноге уксусной эссенцией, и врачи на бирже труда поставили ей на паспортештамп: негодна на две недели.

Мария Семеновна тотчас принялась за дело: достала эссенцию, приготовила нужный раствор и приложила компресс на ногу. Стало очень больно. Но ничего, зато можно будет избавиться от подневольного труда...

Три дня нестерпимо жгло. Были долгие часы страшной боли, когда мышцы сводило в судорогах, огонь раны, казалось, доходил до сердца. Терпела и молчала. Наконец на ноге образовалась большая воспаленная и глубокая рана.

— Ну, теперь и берите на работу... берите на работу...—шептала Мария Семеновна, с трудом передвигаясь по комнате.

Врачи признавали у нее то рожу, то экзему и давали освобождение на две-три недели.

Но если от биржи увечье принесло временное избавление, то от полицаев не было житья: почти ежедневно они являлись на квартиру и, не глядя на отметку в паспорте, гнали на биржу. Как избавиться и от них?

Мария Семеновна купила висячий замок, приделала кольца, заперла снаружи дверь, залезла в квартиру через окно. Завесила плотно окна и сидела дома тихо, как мышь. Душила обида: 43 года жила как человек, входила в дом через дверь, а теперь, на старости лет, приходится прятаться от людей, как от волков в лесу. Из дому выходила только на базар обменивать одежду на продукты.

Однажды, идя на базар, она увидела толпу бегущих, взволнованных и испуганных людей. С корзинками и котомками в руках, бледные и растерянные, бегущие заполнили тротуары и всю мостовую. Облава! Советские люди в фашистской неволе хорошо знали, что такое „облава“. После нее многие семьи лишались кого-либо из своих родных. В этот день облава началась на толкучем рынке, но слух о ней дошел до базара. В 10—15 минут базар опустел. Подхватив все, что можно было унести, побросав остальное, люди бежали. Каждому хотелось немедленно исчезнуть, скрыться подальше от фашистских ищейек. Люди вбегали в соседние дома, но они казались им плохим убежищем. Они выскакивали оттуда и, пугливо озираясь, бежали дальше.

Мария Семеновна побежала вместе со всеми и, запыхавшись, обессиленная, добралась до дому. Теперь она стала выходить на базар только под вечер, когда обычно облав не было. И все же она два раза попадалась и оба раза была записана для отправки в Германию. Выручала больная нога.

Так прошел страшный сорок второй и лето сорок третьего года.

А муж ее, Семен Никитич, инвалид с парализованной рукой, пилил дрова на лесном складе. Однажды, возвратившись с работы, он сказал:

— Ну, жена, если хотим остаться живыми, то должны немедленно уйти в лес. Немцы начали „эвакуацию“ населения...

Погибнуть, когда Красная Армия уже изгнала немцев с Северного Кавказа, из Донбасса и приближалась к Крыму, когда избавление совсем близко... Нет и нет!

Закопали в укромном месте остатки одежды и патефон с любимыми пластинками, взяли смену белья и пищи на два-три дня и, сказав соседям, что идут в деревню на заработки, отправились в путь. Окольными переулками миновали заставу. Полями вышли на чуть заметную тропинку, ведущую в лес. Наконец добрались до опушки.

Тут было оживленно, как на большой дороге в базарный

день. Шли сотни людей, кто с мешками за спиной, кто с узелками в руках. Скрипели подводы, нагруженные продуктами, вещами. За ними на привязи шли коровы. Кругом громко разговаривали, смеялись, как в былое время, до нашествия фашистов. Люди шли в горы, в лес, к партизанам.

— Ну, избавились от каторги, от немецкой эвакуации, — радовались Нагуловы.

Хлеба было у них мало. Делили лепешку на четыре части. Ночевали в холодные осенние ночи под открытым небом. И все же были счастливы. Они шли к партизанам, шли уверенные, что их примут и защитят.

Но не так-то легко было избавиться от немцев.

Над лесом появились вражеские самолеты и начали бомбить и обстреливать хорошо видных в редком лесу женщин, детей, стариков. Раздались крики, стоны, предсмертный хрип.

Семен Никитич нашел нору под скалой.

— Лезь, бабка, — решительно сказал он жене.

Она залезла. За ней — муж. Сырой, холодный каменный мешок, но в нем — спасение...

Только прекратилась бомбежка, как они услышали голоса. Но не свои, а чужие, жгуче ненавистные, страшные. Замерло сердце. Их заметили.

Две очереди из автомата. Нагулов вскрикнул и вытянулся...

Немцы вытащили мешок, вытряхнули рубашки, брюки. Нашли женское платье.

— Ага, матка тоже есть!

Отошли на несколько шагов, дали еще две очереди из автомата в щель и, забрав мешок, ушли.

Пули попали в мертвое уже тело мужа. Мария Семеновна осталась жива.

Долго еще в лесу раздавались вопли и мольбы раненых женщин и детей, которых добивали немецко-румынские звери.

Четыре дня просидела Мария Семеновна, полуживая от страха, горя и голода, рядом с телом мужа. Ее нашли партизаны-разведчики. Они осторожно доставили ее к своим, где раньше всего ее напоили, накормили. И стала Мария Семеновна кухаркой в отряде.

Через некоторое время Нагулову отправили сопровождать двух обмороженных детей на „большую землю“. Мать этих ребят убили немцы. Искалеченных детей Мария Семеновна доставила в госпиталь. Она вновь зажила по-старому, целый день у нее полон хлопот. Она как-будто хочет наверстать те длинные, как вечность, и мрачные, как ад, два года жизни при немцах.

— А все-таки немцам не удалось заставить меня работать на них! — почти с задором говорит она.

В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО

Еще немцев не было, а я уже испытывала ужас перед проклятыми. И, действительно, заставили они меня испить до дна большую чашу горя.

Покой мы потеряли в первый же день. Немцы нагрянули с обыском. Красноармейцев они искали в сундуках, на печи и в печи. Долго тыкались во все углы, никого не нашли, мимоходом прихватили ведро с медом и убрались.

Я немцев не видела тогда. Пока они шарили по дому, я скрывалась. Сердце разрывалось. Вот она и началась, каторжная жизнь! Теперь мы не хозяева ни над собой, ни над тем, что вокруг нас. Теперь мы ничто!

Каждый день все ожидали чего-то ужасного. И беда не замедлила.

Из Зуи был получен приказ, чтобы из нашей деревни отправили на работу в Германию 20 добровольцев—парней и девушек. Староста и полицейские вызвали нас в контору „общины“, предлагали ехать. Все отказались.

Вскоре прибыла новая бумажка, в которой немцы требовали обязательно наберовать 20 человек. И снова нас потащили в контору. Холуй немецкие расписывали нам жизнь в Германии. Там, мол, очень хорошо и всего вдоволь.—Будьте вы трижды прокляты со своей брехней,—думала я.—Умру, а со своей родной земли никуда не уйду...

В третий раз об'явили немцы набор „добровольцев“. Под большим нажимом завербовали лишь несколько человек.

Услыхали мы вскоре, что будут принудительно отправлять в Германию. Сжалось мое сердце. И действительно, вскоре получила повестку: вызывали в Зую на биржу труда. Плакала я и пошла на комиссию. По дороге решила: что бы там ни было, а не будет немцам корысти от меня. В Германию я не поеду. Лучше смерть приму...

Комиссия, к счастью, забраквала меня. Радостная, как на крыльях прилетела домой.

Но через месяц опять вызвали меня в Зую, а там назначили в Керчь на окопные работы. Я видела девушку, которая возвратилась из Керчи. Кожа да кости—вот что от нее осталось. Нет, решила я, и в Керчь мне не дорога. Нечего мне копать немецкие окопы!

Скрылась я из Зуи. Ушла за 80 километров в Биюк. Пробыла там шесть дней и вернулась домой. Утром явился староста с полицейским, сказали: „Ты арестована“. А у меня сердце уже окаменело. Я перестала бояться.

Привели меня из Петрово в Зую, в районную больницу, где было гестапо. Мой конвоир-полицейский доложил жандармскому офицеру:

— Отказалась ехать в Керчь. Брат ее—партизан.

Немец-переводчик, которого звали Альбертом, прочитал вслух заявление, где это было указано. Рыжий, пожилой офицер в очках спросил меня:

— Правильно написано?

— Нет,—ответила я.

Офицер обратился к полицейскому, который, оказывается, и составил на меня донос:

— Правильно?

— Да,—сказал полицейский и добавил:— да ведь она—комсомолка.

Стояла я перед ними, тремя здоровыми мужчинами, беззащитная. Сердце теснилось в груди. Горько было на душе. Знала я, что наступила для меня пора страшных испытаний. И твердила себе: „Надо выдержать, не поддаться, не согнуться“...

А брат мой не был в партизанах. Его призвали в Красную Армию в первые дни войны, и мы о нем ничего не слышали. Врал полицейский, выслуживался.

Раза два попробовал еще жандарм через переводчика добиться от меня признания, но я все отказывалась. Офицер вдруг вскочил. В руках у него была резиновая трубка. Он изо всей силы ударил меня ею по спине. Все тело прожгла острая боль, я закричала. По тяжести удара я догадалась, что трубка не пустая. А позже узнала, что она полна мелкими стальными шариками. Сквозь кофточку и рубашку эта трубка рассекла кожу. Я чувствовала, как струйка крови бежит, бежит по телу, к ногам...

— Ну, что, теперь правильно?—закричал переводчик.

Я покачала головой.

Они принялись избивать меня. Жандарм хлестал резиновой трубкой, а Альберт то кулаком ударит, то ногой пнет. Запыхался немец... Переводчик снова спросил:

— Правильно?

Опять я сказала: нет.

Снова начали бить меня. Увернуться от ударов было куда: я находилась между двумя зверьми. Все тело ныло. Я металась по комнате, несколько раз падала.

Наконец офицер приказал увести меня. С трудом побрела я за полицейским. Он привел меня в небольшую пустую комнату с цементным полом и маленьким окошком. Я опустилась на ледяной пол и застыла. Наступил вечер. Чья-то рука вдвинула в комнату кружку с холодной водой. Ее прикрывал кусочек хлеба. Отныне это была моя дневная норма.

Утром я снова была на допросе. Выпытывали, где мой

брат. Отвечала: в армии, мобилизован. Не верили. Полицейский писал: он партизан, а я скрываю его. Опять офицер расвирепел и выхватил резиновую трубку.

— Партизанка ты!—закричал он и полоснул меня по затылку.

Все закружилось в глазах, я упала. Альберт плеснул в лицо водой и поднял меня. Я открыла глаза. Жандарм стал нещадно хлестать, редкими ударами бил расчетливый Альберт.

Избивали минут пятнадцать. Допрос закончился. Офицер приказал отправить меня обратно в камеру. Снова осталась я одна. Кровь запеклась на ранах, белье прилипло к телу...

В следующий раз вызвали дня через три-четыре. Теперь пытали, почему я не поехала в Керчь. Я молчала. Скольکو ни говорил переводчик, я не произносила ни слова. Офицер не выдержал. Разъяренный, он заорал:

— Ты сама комсомолка!—и засвистела плетью...

Очнулась я в одиночке. Кругом все то же: холод, темнота, грязь. Бегали крысы, по телу ползали клопы, зудели свежие раны. Принесли обычный кусок хлеба и кружку воды.

Передавать мне что-либо немцы запретили. Только однажды я получила с воли немного пищи.

Трижды еще меня вызывали к жандарму. И каждый раз избивали. Мне казалось, что я в гестапо уже годы, а между тем и месяца не прошло. Но за эти недели я и в самом деле состарилась на десятки лет.

После одного из допросов меня перевели в общую камеру. Здесь было человек сорок. Мужчины и женщины находились вместе. Большинство было арестовано за уклонение от мобилизации в Керчь. Нас посылали на различные работы в здания полиции и гестапо. Несколько раз я мыла полы в комнате жандарма. Дрожащими руками скребла я кровавые пятна. Это была кровь моих братьев и сестер!..

Прошло недели две. Опять вызвали меня в гестапо. За столом сидели офицер и Альберт.

— Можешь итти,—со злобой сказал переводчик.

Не узнали меня дома. Худая, бледная, повсюду кровоподтеки, раны.

А деревня опустела. Многих увезли немцы, другие скрылись, целые семьи ушли в лес. Посоветовались мы и тоже решили перебраться под защиту партизан. В ближайшую ночь вся семья двинулась в путь.

Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Летом 1943 года мне довелось прочитать в фашистском листке „Голос Крыма“ о том, что крымское население активно помогает германской армии. В газетке сообщалось, что жители всего Крыма добровольно, с энтузиазмом строят военные укрепления в Керчи.

Эта писанина возмутила меня до глубины души. От начала до конца статья была подлой брехней. В то время я находился в Керчи и видел, каков был этот „энтузиазм“, как надрывались несчастные люди на строительстве укреплений.

В мае—июне 1943 года немцы пригнали под конвоем в Керчь около 10 000 человек—мужчин, женщин, стариков, подростков. Среди них были и матери с детьми.

В разговоре со многими из них я узнал, что немцы поймали их во время облав в городах и деревнях Крыма, в Запорожской и Днепропетровской областях. Среди этих людей я встретил одного рабочего из города Сталино. В своем городе, занятом немцами, этот рабочий, как и все другие, сильно голодал. Однажды он собрал последние пожитки и пошел в деревню менять их на хлеб. Здесь его схватили немцы. Они отобрали вещи и вместе с жителями села насильно угнали его в Керчь.

Захваченных людей разместили на Колонке, в зданиях клуба и мастерской. Оба эти дома были оцеплены колючей проволокой. Возле каждого стояла большая охрана. Но места на Колонке нехватало. Тогда немцы привезли разборные деревянные бараки и установили их в Капканах. Каждый такой барак или несколько барakov были огорожены колючей проволокой и охранялись сильной стражей.

Немцы сами называли лагерями эти дома на Колонке и бараки в Капканах.

Каждый день рано утром к лагерю под'езжали грузовые машины. Администрация отсчитывала из числа заключенных в лагере по 20 человек. Людей грузили в машины. С ними садились конвоиры и отвозили на работу. Работали они от зари до зари. Конвойный не отходил ни на шаг. Вечером людей под стражей привозили обратно и сдавали администрации лагеря по счету. Получил двадцать рабов утром—сдал двадцать рабов вечером—таково было правило для каждого охранника.

Среди несчастных, строивших укрепления, я видел женщин-матерей, с которыми в лагерях были дети. Немцы не разрешали матерям брать с собой детей на работу. Ребятишки оставались за проволокой целый день голодные, беспризор-

ные. Они могли видеть своих матерей только вечером, когда те возвращались с работы.

Немцы заставляли работать много и тяжело. Каждому назначали „урок“. За невыполнение „урока“ били плетьюми.

Кормили работающих два раза в день: утром—перед отправкой на работу каждому наливали пол-литра баланды, состоявшей из воды и стручков зеленой фасоли. Немцы называли ее „шпинат“. Второй раз пол-литра такой же баланды давали вечером, когда возвращались в лагерь. На день каждому работающему выдавались на человека по 300 граммов просяного хлеба, если это месиво вообще можно было назвать хлебом. В нем было полно просяной шелухи. Он всегда скрипел на зубах. На работе есть запрещалось.

Многие не выдерживали каторжного труда, голода и умирали. Смелычаки пробовали бежать, но немногим удавалось вырваться из фашистской неволи. Пойманных беглецов на глазах у всех секли резиновыми палками. Бежавшего переводили в „штрафенлагерь“—штрафной лагерь. „Штрафных“ назначали на самые грязные и тяжелые работы.

Вскоре немецкие военные власти издали еще приказ, по которому все население поголовно привлекалось к трудовой повинности. Уклоняющиеся, говорилось в приказе, считаются врагами и будут караться расстрелом.

Вот как на деле выглядело „добровольное участие“ населения Крыма в строительстве военных укреплений в Керчи летом 1943 года.

В. ГОРБУЛЕНКО

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ СЛЕЗАМИ И КРОВЬЮ

Тяжелая участь постигла советских людей, юношей и девушек Крыма, угнанных в гитлеровскую Германию. Непосильный подневольный труд, нищенское голодное прозябание, зверские пытки и издевательства—вот их удел.

...Из деревни Розенталь на германскую каторгу угнано 70 человек. 23 марта 1943 года на чужбину был увезен и 37-летний Федор Ершов. Через шесть месяцев он прислал своему приятелю в деревню письмо. Вот, что он писал:

„Живу и работаю у одной немецкой фрау. Муж ее на фронте каким-то начальником. У них большое хозяйство: 8 коров, 4 лошади, 7 свиней, около 300 овец, 150 кур, 30 гусей. За всей скотиной и птицей мне приходится ухаживать одному. Очень много работаю, о сне и отдыхе и говорить не приходится. Шатаюсь без сна, уже и глаза не видят. Хозяйка очень злая. Когда что не так сделаю, она идет в полицию с

доносом. Приходит жандарм и стегает плёткой. У каждого русского на рукаве отличительный знак. Ему нельзя ходить по городу, нельзя ни с кем встречаться и говорить“.

Из Карасубазарского района в Германию с группой молодежи фашистские захватчики насильно отправили Ивана Гурова и его жену. Там, на бирже труда, на этом страшном рынке невольников, их разлучили. Ее продали одному хозяину, его—другому. Как ни умоляли они не разлучать их, ничего не помогло. Рабовладельцы были неумолимы. С тех пор супруги не видели друг друга. Гурова была беременна. Это заметил немец и там же на бирже труда начал бить ее по животу. Женщину, мечтавшую о счастливом материнстве, немецкие крепостники превратили в калеку.

Девятнадцатилетняя Нина Воронцова до немецкой оккупации училась в симферопольском пединституте. Девушка мечтала стать учительницей и преданно служить своей Родине. Рухнули ее мечты. Во время облавы в деревне Фриденталь гитлеровцы схватили ее и отправили на далекую чужбину.

В июне 1943 года Нина из Германии прислала письмо своей знакомой Наде Стариковой в деревню Фриденталь.

„Как только нас привезли,—писала она,—на нас надели балахоны с отличительными знаками. На тряпке—надпись „ОСТ“. Это значит—мы с востока, русские.

Я живу в большом хозяйстве. За свиньями в нем ухаживает одна прислуга, за овцами—вторая, за детьми—третья, на кухне четвертая. Здесь нас кормят хуже, чем хозяйских собак. В город не пускают. Плачу день и ночь. Вот пишу письмо, а слезы на него так и льются“.

Все письмо было в пятнах от слез.

Гестаповцы и цензура из кожи лезут вон, стараюсь, чтобы в письмах не было страшной правды о немецкой каторге. Многие строки замазаны краской. Есть письма, где после проверки осталось всего лишь два слова: „Жива. Катя“.

Но невольники ухитряются иносказательными фразами обманывать надсмотрщиков и сообщать родным, близким и друзьям о своих лишениях и страданиях.

Шестнадцатилетняя Эмма, проживавшая в Симферополе, писала из Германии своей матери: „Очень хорошая у меня хозяйка. Позавчера подарила мне синий платок“.

Горько плакала мать, прочитав это письмо. Немецкая фрау избила ее дочь так, что синяки покрыли все тело...

Галя Миронова, отправленная в Германию из деревни Эфендикой, Карасубазарского района, в письме к подруге рассказывала, что она попала к немцу—хозяину пекарни. Он заставляет ее работать от темна до темна. За ней следят, чтобы она кусочка хлеба не с'ела. В дни, когда у хозяина нет муки, Галю посылают работать в деревню, километров за пятнадцать. Однажды Галя испортила тесто. „Но хозяйка,—

писала Галя,—оказалась доброй и подарила мне белое платье с красными лентами“.

Галя не могла открыто написать, что хозяйка избивала ее до крови.

Вера Чегидина из деревни Петрово, Зуйского района, иносказательно писала домой: „Тут у нас крутые горы. А наша хата стоит на самой высокой горе. Часто встречаю знакомых. Однажды на базаре встретила господина Палкина. Пришла домой, а там меня ожидал господин Плеткин“.

Четырнадцатилетнего крымского мальчика Колю оторвали от матери и отца и угнали в Германию. Там у него отняли имя, взамен дали бирку с номером и отличительным знаком „ОСТ“. С рассвета до сумерек заставили работать на лимонадном заводе. Его мучили голодом, за малейшее „непослушание“ избивали палкой. „С Хлебкиным,—писал он,—видимся на заводе не каждый день. Жиркина потерял еще дорогой. Один Палкин всегда есть“.

Палкин и Плеткин—вот „знакомые“, которых только и знают наши люди в фашистском аду.

Вся Германия—огромная каторга, тюрьма для наших узренных людей.

Восемнадцатилетний Виктор, проживавший в деревне Баксан, писал из Германии: „Работал на одном военном заводе. Сбежал. Теперь сижу в тюрьме“.

Жительница Симферополя Анна Шапошникова получила от подруги своей дочери записку из Германии. „Тетя Аня!—писали ей.—Не беспокойтесь, Валя пока жива. Находится в концлагере уже четыре месяца“.

Вера Вишневская из деревни Петрово давно осиротела. Когда Веру угоняли в Германию, она договорилась с подружками, что если напишет один раз слова „очень хорошо“, то их надо принимать за правду. Если же она дважды повторит эти слова, то написанное надо понимать наоборот. И вот пришло письмо от Веры. „Мне очень хорошо, очень хорошо,—писала она.—Я уже собираюсь переехать туда, где находится моя мама“.

Девушка собирается „переехать“ на кладбище...

День и ночь проливают слезы советские женщины и девушки, наши жены и сестры на далекой проклятой стороне. Гитлеровские рабовладельцы угнетают, уродуют и калечат их.

Зинченко Зина сообщала родным в деревню Баксан из Германии: „У меня заболел глаз. Просилась на прием к доктору, но мне отказали. Глаз загноился и вытек“.

Голодом и холодом мучат немцы советских людей. Многие из них просят родителей прислать им какую-нибудь обувь и одежду, хоть немного хлеба и жиров. С таким письмом одна девушка прислала свою фотокарточку. На фото—широкое, круглое лицо, а на обороте надпись: „Мама! Ты не думай, что я так поправилась. Я просто опухла“.

Житель Крыма Андрей Глоба, которому по болезни удалось вырваться из Кельна, рассказал: „Перед отъездом с меня взяли 170 подписок о том, что я ничего никому не сообщу об условиях жизни и работы советских людей в Германии. Но я всем расскажу о проклятой гитлеровской каторге. Чуть свет нас, советских людей, выгоняли на работу. Возвращались поздно вечером. На заводе у станка стоишь напряженный весь день, как струна. Нельзя ни закурить, ни отдохнуть, даже отвернуться в сторону нельзя. За малейший шаг от станка получишь удар надсмотрщика. Все время мучили голодом. „Руссише швайн,—орал немец.—Русской свинье хлеба не полагается“. И нам в воде размешивали макуху и гнилой бурак. Этой бурдой и кормили“.

Валентина Яковлевна Дубова, из деревни Бура, с ужасом рассказывала, как страдала ее сестра, двадцатилетняя Таня, на немецкой каторге. Таня писала из Бремена, что работала на мыловаренном заводе, а потом ее перевели на швейную фабрику. Но это не облегчило ее положения. Все время живет, как пленная в лагере, огороженном проволокой.

„Спасибо нашему старосте за то, что послал меня сюда,— писала Таня.—Хотела бы только вас увидеть, мои родные, тогда можно и умереть. Но, наверное, больше не увидимся. Хоть бы крымскую птицу увидеть здесь, и то легче было бы. Спасибо, мамочка, спасибо, милая, что заставила меня взять одежду, а то тут ничего не дают...“

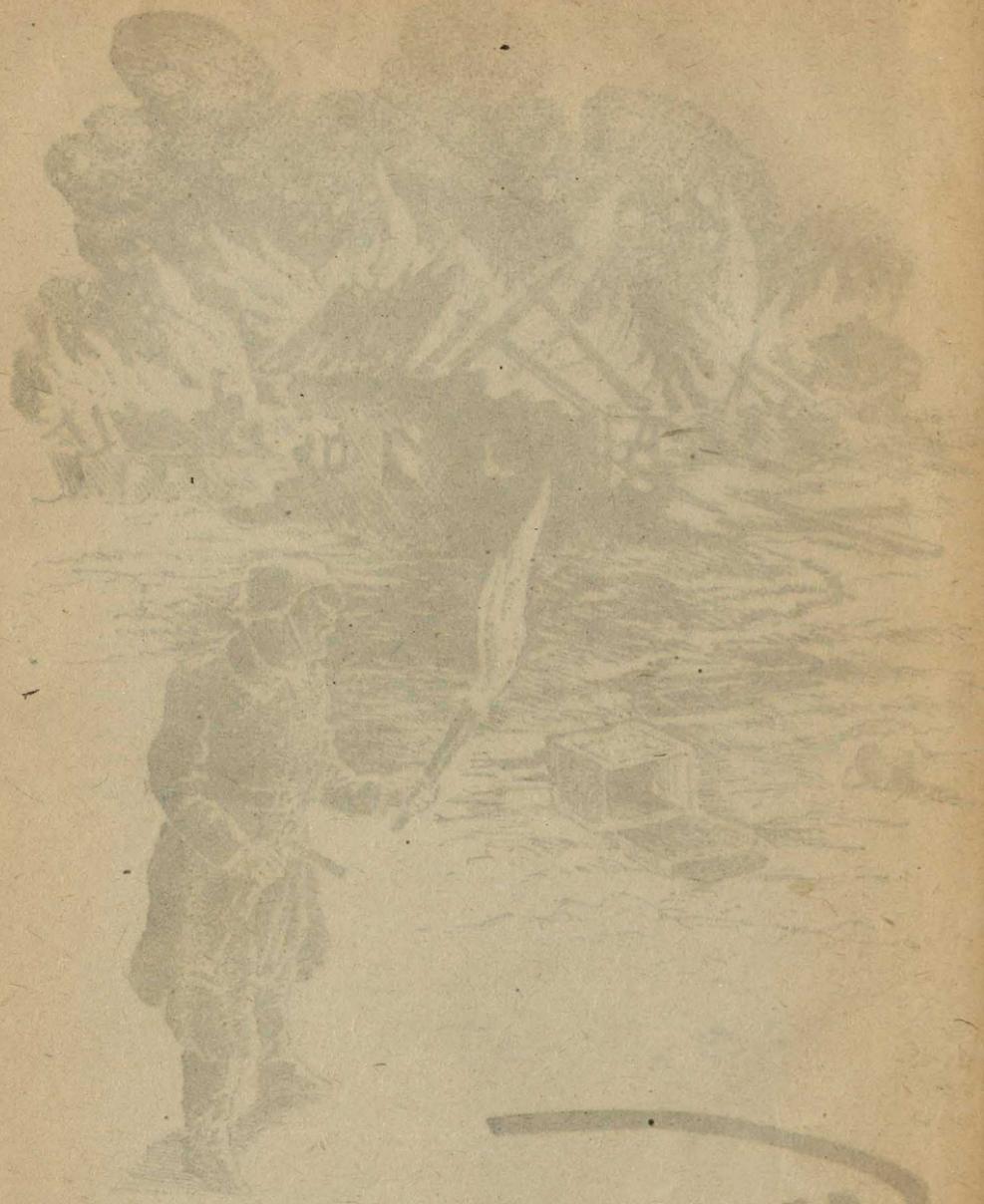
В этих рассказах и письмах—сгусток слез и крови наших людей, угнанных в рабство, страшная правда о проклятой немецкой каторге, гнев и ненависть к поработителям, любовь к матери Родине...

Плод мира гасели

Ура! Ура! Ура!

Н. ЛУГОВОЙ

СОЖЖЕНИЕ ПРЕДГОРНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

В ноябре 1943 года население Крыма стало свидетелем нового чудовищного преступления немецко-фашистских захватчиков. В предгорных районах Крыма фашистскими разбойниками сожжено более сотни деревень. Гитлеровцы стерли с лица земли десятки населенных пунктов в Симферопольском, Зуйском, Бахчисарайском, Карасубазарском, Алуштинском и других районах.

Не случайно немцы осуществили это свое кровавое преступление именно в ноябре 1943 года. Начало ноября ознаменовано вступлением Красной Армии на крымскую землю и со стороны Перекопа и со стороны Керчи. Немцы попятись в глубь полуострова.

Отступающие немецкие колонны двигались не одни. Впереди себя фашисты гнали толпы жителей Керчи и присивашских районов. Угроза подобной „эвакуации“ нависла над всеми мирными жителями Крыма.

Население предгорных деревень всегда находилось у гитлеровцев в подозрении. Немцы и румыны полагали, что партизаны прежде всего в этих деревнях получают поддержку. В животном страхе перед народными мстителями фашисты решили в первую очередь создать „мертвую зону“ вокруг лесов.

Но жители предгорных деревень, спасаясь от немецко-румынских палачей, стали перекочевывать в лес, под защиту партизан. Первый почин сделали жители деревни Ангара. Конечно, ангарцы встретили у партизан самый радушный прием.

За Ангарой пришли крестьяне из деревни Эфендикой, а за ними население других деревень—Нейзаца, Фриденталя, Баланово, поселка бывшего совхоза „Красная Роза“... Потом появились жители десятков населенных пунктов не только предгорной полосы, но и степных районов—из деревень Богала, Конгал, Зуйского района, Чонграв, Биюк-Онларского района, которым до леса было 40—50 километров. Они двигались длинными обозами, с десятками подвод, стадами овец и другого скота.

Немцы пытались помешать населению уходить в леса. В деревни Петрово и Бараново были посланы солдаты. На небольшие деревушки повел наступление целый батальон с тремя танками и эскадрон кавалерии. На защиту населения выступили два отряда партизан, и каратели не были допущены в эти села.

В бессильной злобе фашисты подвергли ожесточенной бомбежке деревню Баксан. В своей печати немцы сообщали потом, что в этой деревне тогда располагались 10 000 партизан. А на самом деле в ней никого, кроме мирных жителей, не было. Бомбежка завершилась зверской расправой над населением, причем три семьи были сожжены заживо в своих домах.

Немецкие факельщики подожгли деревни: Тавдаир, Бура, Ново-Ивановку, Джафер-Берды, Усеин-Аджи, Вейрат, Кзыл-Коба, Ангару, Барановку, Улу-Узень, Барабановку, Фриденталь, Нейзац, Верхние Фундуклы, Розенталь. Также были сожжены деревни Эфендикой, Найман, Александровка, Аргин, Чердавлы, Ени-Сарай, Конрат, Кайнаут, Баксан, Кара-Коба и много других.

Это далеко не полный перечень уничтоженных деревень. На картах обозначены 168 деревень, от которых остались только пепелища, руины, да кое-где два-три двора. Сколько же сожжено мелких населенных пунктов, не обозначенных на картах, сейчас установить трудно.

Фашисты истребили в 168 деревнях все живое. В деревне Фриденталь они сожгли 34 человека — женщин, детей, калек. А деревня Соловьевка, куда карателей не пустили партизаны, была разрушена артиллерийским огнем и снарядами.

ОБ'ЯТЫЕ ПЛАМЕНЕМ

За годы советской власти предгорные деревни Крыма разбогатели, разрослись. На десятки километров тянулись колхозные сады, виноградники, табачные плантации. Ветви деревьев гнулись под тяжестью чудесных груш „Дюшес“, ароматных яблоков „Королевский кальвиль“, „Розмарин“, „Золотой пармен“. На склонах гор наливались соком янтарные кисти крымского винограда, рос ароматный табак.

Тяжелую участь уготовили немцы этим цветущим селениям. Немцы беспощадно сожгли их. Деревни окутались клубами черного дыма. Мирных жителей истребили. Одних расстреляли, других заживо бросили в огонь, третьих вывезли неизвестно куда.

Партизанский отряд имени Николая Спаи освободил из фашистского плена группу жителей деревень Нов-Бодрак и Тав-Бодрак, Бахчисарайского района. Наталия Евлахова, Мартын Молчанов, Егор Костылев, Валентина Грузинова со слезами на глазах рассказали, как немцы уничтожили их деревни.

... На рассвете фашисты на 13 грузовиках ворвались в деревню Тав-Бодрак. Всех жителей согнали на окраину. Из выстроенной шеренги немцы выводили первого попавшегося и избивали розгами, прикладами, топтали сапогами. Когда истязаемые теряли сознание, их пристреливали.

Оставшимся офицер приказал расчитаться на первый—девятый. Старики, дети сбивались со счета. К „провинившимся“ подходил офицер и безжалостно бил по лицу. Расчет начинался заново.

Кое-как закончив пересчет, немцы вызвали вторые номера и на глазах у всех расстреляли. Их было 23 человека. Остальных жителей немцы втокнули в машины и увезли неизвестно куда. Когда грузовики тронулись, деревня была об'ята пламенем.

На следующий день немцы „посетили“ соседнюю деревню Нов-Бодрак. Согнав все население на площадь, фашисты обошли опустевшие дома и забрали в них все ценное. Нагрузив машины награбленным добром, они подожгли деревню. По тем, кто пытался вырваться из толпы и погасить пламя, гитлеровцы открывали огонь из автоматов.

Деревня пылала. Немецкий офицер прошел вдоль толпы и тросточкой указал на некоторых стариков, видимо, не нужных им. Солдаты схватили 10 человек и бросили их в огонь. Среди сожженных был 87-летний Денис Дмитриевич Черненко, старуха Ефросинья Денисовна Седненко.

В этом же районе немцы подожгли село Улу-Сала. Партизаны, заметившие зарево, направились в село. Народным

мстителям после боя удалось вырвать из лап гитлеровцев оставшихся в живых жителей и погасить несколько горящих домов.

Обойдя село, партизаны обнаружили 120 сожженных трупов. Под развалинами одного дома было найдено 25 обгоревших трупов. У многих были связаны руки и ноги. Около этого дома лежал женский труп.

Не менее жестоко свирепствовали немцы в Куйбышевском районе. Каратели, ворвавшись в деревню Стиля, безжалостно избили и ограбили жителей. Затем гитлеровские молодчики расстреляли мужчин, а девушек и молодых женщин загнали в здание школы, там изнасиловали, а затем пристрелили. Чудом оставшаяся в живых женщина рассказала, что она слышала душераздирающие крики из школы, а спустя некоторое время — пальбу. Немцы подожгли школу.

Фашистские звери ловили и насиловали девушек и женщин не только в помещениях, но и прямо на улицах, возле домов. Недалеко от школы партизаны обнаружили труп молодой женщины. Одежда на ней была разорвана, на шее виднелись следы пальцев, в области живота зияла пулевая рана.

196 домов из 217 сожгли немцы в Стиле. Сгорели больница, школа, клуб.

В деревню Биюк-Озенбаш немцы ворвались на рассвете. Плетками и прикладами поднимали они еще спавших жителей. Фашисты жестоко издевались над ними. Многие, ища спасения, бросились к мечети. Когда в мечети началось богослужение, гитлеровцы облили здание бензином и подожгли его.

В акте, составленном спасшимися жителями и партизанами, сказано:

„Немцы спалили всю деревню. Из 450 домов сожжено 408. Каменные постройки были взорваны. На глазах у верующих немцы сожгли две мечети. Сожжены также здания средней школы, больницы, двух складов, сельсовета, правления колхоза, дома культуры, двух сельмагов, двух пекарен, двух колхозных конюшен. В огне погибло 420 тонн хлеба“.

ФРИДЕНТАЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Кровь стынет в жилах, когда вспоминаешь о страшном побоище, которое учинили немцы и румыны в деревне Фриденताल, Зуйского района.

В один из ноябрьских дней 1943 года фашисты схватили 34 ни в чем неповинных жителя деревни и зверски расстреляли их, а тела убитых сожгли. В этой группе была и семнадцатилетняя Нина Васильевна Скопина. Она уцелела случайно. Нина и рассказала мне о том, как погибли наши люди и как спаслась она.

...Жители деревни узнали, что гитлеровцы намереваются насильно эвакуировать население Фриденталя. Из других деревень фашисты уже отправили многих на территорию совхоза „Красный“. Всему населению Крыма было известно это страшное место, превращенное фашистами в „перевалочный пункт“ смертников. Кто сюда попадал, тот назад не возвращался. Отсюда людей угоняли в Симферополь и в Севастополь на строительство военных сооружений, после чего их расстреливали или грузили на баржи и топили в море.

Чтобы избежать этой „эвакуации“, почти все население Фриденталя ушло в лес. В деревне остались лишь больные, женщины с малыми детьми, старики.

Узнав, что деревня почти пуста, фашисты расsvирепели. Они стали ходить из дома в дом, выгоняя всех в контору „общины“. Жителям говорили, что их созывают ненадолго на собрание. Когда все собрались, немцы пересчитали их и объявили заложниками. Мужчин отделили от женщин и детей и отвели в соседний дом. Никто не подозревал, что затевают фашисты.

Через несколько минут в контору зашел немец.

Он приказал женщинам по-двое заходить в следующую комнату. Дети дрожали от страха, кричали и плакали.

Фашисты силой оторвали от матерей первых двух ребят и поволокли их. Через несколько минут там раздались выстрелы. Люди поняли, что их будут расстреливать.

Не опишешь, не расскажешь того, что было там. Женщины в отчаянии метались, истерически кричали, безумно рыдали, умоляли о пощаде. Но фашистские звери были немолимы. Пару за парой вводили они, клали их лицом вниз на еще не остывшие трупы и хладнокровно разряжали пистолеты. Так были убиты Скопин Василий—отец Нины, ее мать, десятилетняя сестра и двенадцатилетний брат, больной учитель Потанин Алексей, его жена и трое детей от двух до семи лет, Карасев с женой и одиннадцатилетним сыном, Морозов и его жена Наталья, Смоляков Иван с женой и одиннадцати-

летним сыном, Истомирин Петр с женой и ребенком, зуйский ветеринарный врач Николенко, Александра Зинченко и Александра Редькина, работавшие в алуштинском санатории „Учитель“, старушка Феденко,—всего 34 человека.

Украинка Зинченко Шура утешала все время Нину:

— Оце скоро наши придуть, тоди поидемо до дому в Алушту, будемо знову процюваты в санатории...

Не дождалась Шура. Убили ее палачи...

А Нине каким-то чудом посчастливилось остаться в живых. Она с подружкой Верой оказались последними. Тяжело, невыносимо тяжело было сознавать, что через несколько минут—конец, смерть. Они прижались друг к другу, обнялись и простились навсегда. Обессиленная, шатаясь ушла Вера на смерть.

Настал черед Нины. Она вошла в комнату, дрожа от ужаса. Там была куча тел, застывших в предсмертных судорогах. Немец приказал ей лечь сверху на трупы. Она легла на спину. Немец велел перевернуться. Она медленно, неловко перекатилась на бок. Фашист выстрелил, но не попал. Видимо, палач устал. Он приказал ей снова перевернуться и лечь лицом к трупам. Она исполнила приказание. Раздался второй выстрел. У Нины сперло дыхание, замерло сердце, она потеряла сознание.

Очнулась Нина под соломой. Слышала, как немец чем-то облил кучу, видно, керосином, и поджег. Когда солома вспыхнула, Нина застонала. Немец, уже было ушедший, услышав ее стон, прибежал в кухню и выстрелил еще раз. Миновала Нину и третья пуля. Нина притаилась, стиснув зубы, превозмогая сильную боль.

Выждав с минуту, немец, наконец, ушел. Нина спозла с трупов и, собрав последние силы, влезла в печь. Тяжелый густой дым и невыносимый смрад от горевшего тела душили девушку.

— Что будет, то будет,—подумала Нина и вылезла из печи.

В приоткрытую дверь увидела сарай. Туда и поползла.

Так спаслась Нина Скопина от гибели.

Мужчин фашисты расстреливали в другом доме. Их ставили у края подвала, стреляли в упор, а трупы сбрасывали в подвал. Из 9 мужчин спасся только 72-летний старик Федор Григорьевич Калмыков—сторож Фридентальского сада. Немец целился ему в лоб, но не попал. Пуля прошла сквозь нос. С большим трудом выбрался старик из подвала.

Немцы сожгли всю деревню. Из 65 дворов не осталось ни одного.

Нет больше деревни Фриденталь, но остались живы многие ее люди, ушедшие в лес. Они пополнили ряды народных мстителей.

С НЕМЦАМИ ШАГАЛА СМЕРТЬ

Не раз приходили гитлеровцы в деревню Тавдаир, Симферопольского района, грабить население. Угрожая смертью, они отнимали у жителей пшеницу, картофель, овощи и, погрузив на подводы, увозили в город. Но однажды им не удалось увезти награбленное. Партизаны отбили у злодеев добро мирных жителей. Побросав повозки с лошадьми, фашисты пустились бежать. Многие из них навеки остались лежать в крымской земле.

Вскоре крупный отряд немцев и румын с танками и броневиками повел „наступление“ на деревню. Жители деревни ушли в лес.

И вот—гитлеровцы в Тавдаире. Они рыскали по хатам искали партизан, но деревня была пуста. Нашли они только немощных стариков да старух с малолетними детьми. Пьяные фашисты, разъяренные неудачей, выгоняли ни в чем неповинных оставшихся обитателей деревни раздетыми на мороз. Некоторые жители, больные и совсем дряхлые, не хотели покидать свой кров. К удивлению, гитлеровцы оставили их. У ворот домов зачем-то появились часовые.

А в домах хозяйничали немецко-румынские бандиты. Они хватали все, что попадалось на глаза, и бросали в машины. Потом все хаты, и те, где остались жители, облили бензином и подожгли. Багровое пламя взметнулось над деревней.

Старики, старухи, дети стояли за цепью штыков. Они видели, как пламя пожирало их жилища, слышали душераздирающие вопли и стоны заживо сжигаемых и молчали. Надо было молчать. Старухи сжимали хрупкие плечики внучат. Не надо и плакать. Надо молчать.

Но пятилетний Леня Ребров не мог молчать. Полуголый, в одной рубашонке, он дрожал от холода и страха и судорожно цеплялся за бабушкин подол.

— Бабушка, я домой хочу, я боюсь!—кричал ребенок и громко навзрыд плакал, давясь слезами.

Пьяный офицер что-то грозно прорычал старухе. Бабушка испуганно рванула внука к себе, зажала ему рот и стала шептать ласковые слова. Из зажатого рта мальчика вырывались бессвязные вопли, ему было страшно и холодно. Тогда офицер подошел к старухе, растегнул кобуру, вынул револьвер и разрядил его в голову Лени...

Когда все хаты сгорели, гитлеровцы швырнули стариков и детей в машины и увезли.

Партизаны, пришедшие из леса в деревню, кроме трупика Лени Реброва с пятью пулями в голове, нашли на пепелище обгорелые останки десяти человек...

Потом фашисты снарядили в лес специальные карательные экспедиции с самолетами, танками, орудиями, моторизованной пехотой. Они нашли там женщин, детей и стариков, прятавшихся от дикого террора. Немецкие провокаторы объявили военнопленными женщин, у которых в руках были не винтовки, а грудные дети, стариков, которые опирались не на острую шашку, а на посохи; они признали военнопленными даже детей.

Группу таких „военнопленных“ гитлеровцы погнали из Зуйского леса в Симферополь. Измученных, истощенных, оборванных, этих „военнопленных“ гнали под усиленным конвоем румын.

Когда это скорбное шествие достигло Симферополя, гитлеровцы устроили гнусный маскарад: они отобрали несколько человек, отвели их в баню и заставили надеть чистое белье. Потом они возили этих людей по улицам Симферополя на машинах, и репродукторы извещали население, что это люди — „спасенные от партизан“. Никто не поверил этой новой чудовищной провокации палачей. Больше этих вымытых, облаченных в чистое белье людей, не видели. Немцы расстреляли их.

Страшные кровавые расправы чинили каратели и в лесу.

В. ЗЫКОВ

ВАСИЛЬКОВСКАЯ БАЛКА

Жил в деревне Кзыл-Коба колхозник Алексей Копылов. В лес с партизанами он не ушел, хотя и сочувствовал им. Как и другие жители, помогал, чем мог, главным образом, продовольствием.

И вот пришел в деревню немецкий карательный отряд. Приказали всем собираться и выходить на дорогу к Симферополю. Прикладами и пинками подгоняли медливших. Потом каратели кинулись по домам грабить.

Загорелось сердце у Алексея Копылова. Рванулся он в свой дом. Но тяжелый приклад обрушился на его голову, а кованые сапоги придавили к земле ослабевшее тело.

До полусмерти избили немцы и другого колхозника, шестидесятилетнего Павла Маслюнова, поиздевались над его двумя дочерьми и невесткой.

Как скот, ударами и пинками выгоняли немцы жителей из деревни. За спинами уходивших гигантской свечей вспыхнула Кзыл-Коба, вся „вина“ которой заключалась только в том, что она расположена около леса.

Горько пожалел Алексей Копылов, что не ушел во время

в лес, не послушался советов друзей-партизан. Но было поздно. Погиб он где-то под Симферополем.

А многие ушли в лес. Мужчины брали в руки оружие, защищали себя, свои семьи, свою землю. Малых ребят, стариков и старух партизаны укрывали в дальнем лагере.

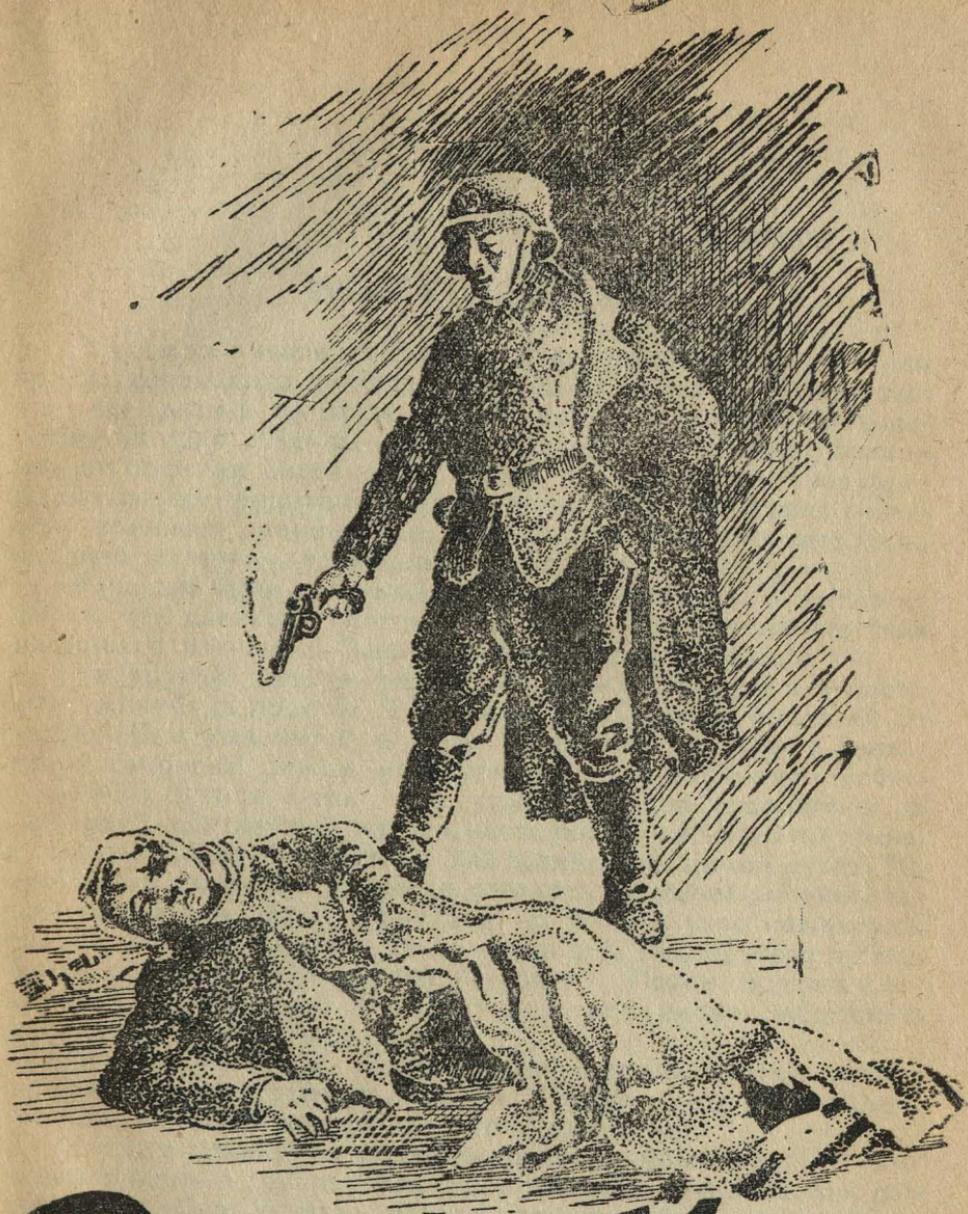
В погоне за советскими людьми немцы двинули в лес большие силы. Четыре дня вели партизаны непрерывные бои. Беженцы ушли еще дальше. Скрылись в Васильковской балке. На пятый день появились немецкие самолеты. Методично, квадрат за квадратом, просматривали они лес. К середине дня самолеты обнаружили людей в Васильковской балке. Стервятники летали низко, и было ясно видно, что в балке не партизаны, а женщины, дети, старики. Но самолеты пошли в пике. Посыпались бомбы, застрочили пулеметы. Уходили одни вражеские машины, появлялись другие. За несколько часов фашистские изверги уничтожили в балке почти все живое. Под телами убитых не было видно земли. Матери прикрывали холодным телом окоченевшие трупы детей.

Мало кто в Крыму знал Васильковскую балку. Ничем она не отличалась от многих других крымских балок.

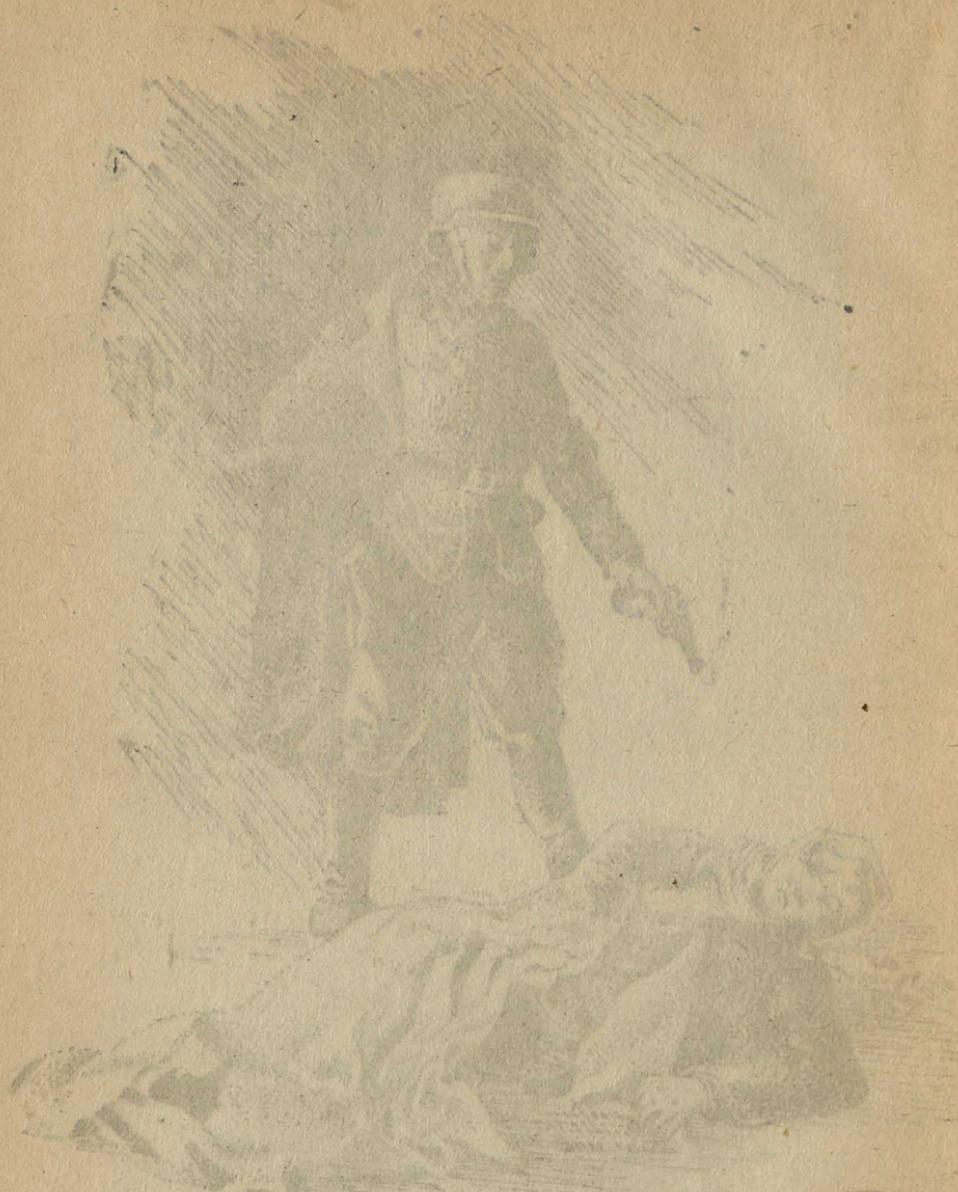
Теперь о Васильковской балке должны знать все.

Дежурница

Редовно

Н. БЕЗМЕНОВ

ЮНЫЕ КАТОРЖНИКИ

Это было в июле 1943 года. В деревне Нейзац вывесили приказ коменданта Зуйского района. В приказе говорилось, что все дети в возрасте от 10 до 15 лет должны быть посланы на сбор лаванды и лепестков розы. В случае уклонения от посылки детей или бегства их с работы—предупреждал приказ—родители и сами дети будут наказаны по закону военного времени, т. е. расстреляны. Сколько слез было пролито матерями, узнавшими об этом приказе!

Малыши были собраны и угнаны на работу. В числе их был и мой двенадцатилетний сын Юра. Ребят—фашистских пленников погнали в бывший совхоз „Красная роза“.

На другой день я решил увидеться с сыном и отнести ему что-нибудь поесть. Я пришел рано утром, но детей не застал. Они уже были в поле. В поселке совхоза я узнал, какой свирепый режим установили немцы для наших ребят.

Ребят будили в три часа утра. Полчаса отводилось на „завтрак“, состоявший из чая, настоенного на какой-то траве, и кусочка хлеба. Его давали 300 граммов на целые сутки. По окончании „завтрака“ полчаса давалось на марш до поля, находившегося за пять километров. В 4 часа утра начиналась работа, продолжавшаяся до 11 часов дня. После этого ребята брели обратно под командой на „обед“. Потом полчаса „отдыхали“, а с 12 часов 30 минут дня уже снова работали в поле до 7 часов вечера.

Немцы требовали, чтобы каждый малыш срезал серпом за день 100 килограммов лаванды. Такова была установленная ими поистине каторжная норма для детей.

Когда я пришел на поле, было часов одиннадцать. В это время бригадир группы мальчиков, где был и мой сынок, дал сигнал на обед. Усталые ребята бросили работу, построились и двинулись. Но едва только они отошли метров триста, как из-за холма показались двое лихо скачущих верховых. Они неслись прямо на детей. Это был немецкий комендант со своим переводчиком.

Подскакав к ребятам, они осадили коней, и переводчик, нещадно матерясь, закричал:

— Вы куда, русские кабаны?!

Бригадир дрожащим голосом объяснил, что наступило время обедать.

В ответ на это комендант, посмотрел на свои часы и, рыча по-немецки, с силой рванул коня, на всем скаку врехался в ряды ребят и стал хлестать их плетью. Дети в ужасе заматались по полю, кричали, плакали, некоторые бросились бежать к месту работы, но их всюду настигал комендант и беспощадно бил по голове, по лицу...

Во время этой зверской расправы троих малышей чуть не растоптала лошадь, у многих детей от ударов плети были окровавлены лица, иссечено тело.

Наконец, фашистский палач передал через переводчика, что ребята могут идти на обед, лишь отработав еще 10 минут. Громко смеясь, истязатели поехали наводить „порядок“ к другим группам.

Спустя 10—15 минут после этой дикой расправы голодные, мучимые жаждой (воды на работе не давали) дети понурые побрели на обед. Трех из них пришлось нести. Одного раненого мальчика, Сеню Селивахина из Карасубазара, нес я, а двух других пять километров на руках несли попеременно сами ребята.

Когда, наконец, мы добрались до места, где жили ребята, я попросил находившуюся там фельдшерицу оказать медицинскую помощь пострадавшим. На это она ответила:

— У нас есть приказ коменданта—в случае телесного наказания рабочего медицинской помощи ему не оказывать и освобождения от работы не давать. Положите их, пускай покойно полежат.

Мы положили детей под навесом. Здесь зимой хранился сельскохозяйственный инвентарь, а теперь это была квартира для ребят. Тут они, грязные, валялись на подстилках, служивших им постелью.

Ребята из группы, избитой комендантом, не стали в этот раз обедать. Один за другим они улеглись на свои постели и многие, заливаясь горькими слезами, шептали: „мама, папа спасите нас“. Плакал, прижавшись ко мне, и мой Юрий...

Вот он, Юрий, сидит на постели, в ожидании смерти. Он смотрит на меня, на своего отца, и говорит: „Папа, спасите меня, спасите меня...“

КАК ПОГИБЛИ ЛЕНА И ЖЕНЯ

В Симферополе гитлеровцы истребили все еврейское население. Закончив это гнусное дело, гестаповцы стали уничтожать семьи так называемых „смешанных браков“.

Мать 7-летней Лены и 3-летней Жени забрали гестаповцы. Она, русская, была женой еврея. Детей сначала приютил сосед, а потом они бродили по дворам, питаясь тем, что подавали люди. Один инвалид, старик-сапожник, живший на Фонтанной улице, сжалился над сиротами и решил их взять на воспитание. Старшая девочка трогательно заботилась о старике. Подметала комнату, ходила за скудным пайком, была маленькой „хозяйкой“. Она не расставалась с сестренкой, все время водила ее „за ручку“ и пугливо озиралась, когда видела немцев.

Однажды утром во дворе, где жил сапожник, появились полицейский и немец-жандарм. Леночка сразу почувствовала, что им грозит опасность, и быстро побежала в угол двора, таща Женю за собой. Они спрятались за невысокий мусорный ящик и выглядывали оттуда испуганными глазенками.

Полицейский вошел в каморку сапожника и потребовал от него выдать детей, заявив, что за укрывательство еврейских ребят старику грозит суровая кара. Сапожник всячески клялся, что никаких детей у него не было и нет. Немец в это время заметил притаившихся девочек.

Здоровенные полицейский и жандарм направились к мусорному ящику. Дети, выскочив из-за ящика, бросились бежать. Полицейский и жандарм с гоготом кинулись за ними. А сапожник, с тоской наблюдавший у порога эту гнусную картину, все молил пощадить детей, оставить их у него. Но гитлеровцы были глухи к его мольбам.

Детишек, содрогавшихся от рыданий и дрожавших от страха, увели. Долго были слышны крики Леночки, которая получила от полицейского несколько подзатыльников. Соседняя детвора расширенными от ужаса глазами смотрела на все происшедшее.

Ни Лены, ни Жени после этого никто не видел.

У ОТКРЫТОЙ МОГИЛЫ

В деревне Нейзац со склада немецкой автоколонны пропала покрышка с камерой. Для обыска немцами были выбраны три двора: мой, Ивана Деревянко и Кузьмы Сафронова.

Обыск у меня и Деревянко ничего не дал. Во дворе же Сафронова был найден кусок старой рваной покрышки, а у 12-летнего сына Сафронова Васи была обнаружена детская рогатка, сделанная из резины.

Этого оказалось достаточно, чтобы Васю начали допрашивать.

— Резину, из которой сделана рогатка, я нашел на дороге, — объяснил Вася. — А кусок покрышки бросили шоферы, которые приезжали в лес за дровами и ремонтировали в деревне машины. Его я взял домой, чтобы сделать постолы.

— Врешь, мерзавец! Ты украл резину на складе!

Со слезами на глазах Вася повторял, что он не воровал. Ничто не помогало.

— Кто твои товарищи? — спрашивали немцы.

Вася назвал друзей: двенадцатилетних Юру Попкова (отец, мать и брат которого были расстреляны немцами в 1942 году) и Васю Белофонова и тринадцатилетнего Андрюшу Чуприна.

Всех этих ребят вместе с Васей Сафроновым немцы утром заперли в сарай и приставили к нему часовых. На просьбы родителей и родственников отпустить детей офицер через переводчика Сабита заявил, что ребята обворовали немецкий военный склад и что за это они в показательном порядке будут расстреляны по закону военного времени. Офицер строго приказал всем жителям немедленно разойтись по домам и не собираться на улице.

В полдень ребят вывели во двор, и офицер на виду у взволнованных жителей вновь начал допрос с помощью переводчика.

— Сознаетесь, что украли покрышку и камеру — ничего не будет, а не сознаетесь, плохо будет...

Ребята в один голос ответили, что не воровали и не видели никакой покрышки. Тогда офицер приказал одному из своих солдат „развязать воришкам язык“. Солдат взял палку и начал избивать детей. Крики ребят смешались с плачем женщин.

После расправы офицер приказал запереть ребят в сарай. На ночь охрана была усилена. Детям ничего не дали есть.

На следующий день утром детей опять вывели на допрос во двор. Они попрежнему упорно твердили свое: „мы не воровали“.

Тогда переводчик объявил, что офицер приказал расстрелять ребят, если они тотчас же не сознаются. Рабочим, пилившим поблизости дрова, в присутствии ребят было приказано немедленно изготовить крест на могилу детей. Немного

спустя, офицер велел дать мальчикам две кирки и две лопаты и отвести их копать себе могилу.

Обливаясь слезами, дети взяли дрожащими руками кирки и лопаты и шатаясь побрели под конвоем шести немецких солдат, вооруженных автоматами и ручным пулеметом. Отвели их в сад, метров за триста от жилых домов.

Все жители издали следили за происходившим. Тайком мы пробрались в сад и залегли кто где. Я лежал под кустом в траве метрах в пятидесяти от несчастных детей.

Когда дети вырыли яму длиной метра в два и глубиной с полметра, офицер опять приказал опросить ребят. Но дети снова отрицали какую бы то ни было вину за собой.

Взбешенный офицер приказал поставить детей в ряд на край могилы. Напротив них выстроились шесть гитлеровцев. Офицер подал команду. Раздались выстрелы. Дети упали на колени. Никто из них не был убит. Снова выстрелили из автоматов. Дети в ужасе уткнулись лицами в землю и застыли. Кругом неслись душераздирающие крики родителей. Плакала вся деревня.

Офицер спокойно закурил, приказал поднять ребят и еще раз допросить. Результат был прежний. Тот же немецкий палач снова принялся палкой избивать детей, после чего их опять поставили на край могилы. Бледные, они встали тесно друг другу в ряд, руки—за спиной, лица—мокрые от слез. Кто-то из них кричал: „Мама, папа, спасите“... Но все заглушила третья автоматная очередь. Мы подумали: „теперь конец их мучениям“. Но и на этот раз дети продолжали стоять. Стало ясно, что немцы стреляли по верх их голов.

— Что же будет дальше?—думали все.

Переводчик подошел к ребятам и в последний раз предупредил их, что если они не сознаются в краже, то завтра их расстреляют вместе с отцами и матерями. Детей снова отвели в сарай и под сильной охраной оставили голодными на вторую ночь.

Утром к сараю под'ехала грузовая открытая машина. Полуживых ребят вывели из сарая и усадили в кузов. Офицер переговорил с переводчиком, один немец куда-то ушел и через несколько минут вернулся с тарелкой, на которой лежал хлеб с маслом и колбасой.

— Вы, русские собачьи дети, жрать хотите?—спросил переводчик у ребят.—Ешьте, а то родители о вас не заботятся...

Дети молчали. Ни один не шевельнулся, чтобы протянуть руку за куском хлеба. Юра Попков со всего размаха ударил по тарелке, и хлеб вместе с маслом и колбасой полетел на землю.

Детей отвезли в Зую. Там их продержали еще двое суток. По рассказам ребят их сильно били, а потом, искалеченных, отпустили.

НЕМЕЦКОЕ ПАРИ

Это было в Феодосии, на Генуэзской улице...

Стоял светлый зимний день. Ночью выпал снег, первый снег. Он лежал на крышах домов, на мостовой, чистый прозрачно-белый, искрился на солнце и хрустел под ногами.

С Генуэзской были видны серые баржи, стоящие в бухте на мертвом приколе. Вокруг них с гортанным криком летали чайки и словно боялись опускаться на ровный, нетронутый снег на палубах.

На Генуэзской дети играли в снежки, возили салазки. Счастливы, подвязав шпагатом деревянные с проволочным полозом, катались на „коньках“. Они лихо носились по тонкому льду, выскакивали за угол и зорко озирались по сторонам, не видно ли немцев, не идет ли полицай. Тогда надо было мигом рассыпаться по дворам...

— На улицах должна быть тишина. Тишина и порядок,— говорили немцы.

Во дворе одного дома дети лепили снежную бабу. Они выкатали большую голову и пыхтя пристраивали ее к четырехугольному туловищу. Но вдруг смолкли звонкие голоса, завизжал снег под торопливыми шагами, захлопали калитки. Все сразу замерло. На улице стало пусто. На улице был порядок.

Дети испуганно бросили снежную голову. Мимо них, припадая на ногу, обутую деревянным коньком, бежал соседский мальчик Костя. Он искоса посмотрел на малышей и крикнул грозным голосом:

— Айда, по домам!

Дети пустились наутек за ним. Но немцы были уже во дворе. Они шли наперерез, широко расставляя руки.

— Комт гер, киндер! Идите сюда, дети!—говорили они и громко смеялись.

Их было трое. Один высокий, светлоглазый, двое пониже, с черными нашивками на зеленых мундирах. Были они молодые, рыжие и веселые.

Они бравым, строевым шагом подошли к снежной горке, разом „приставили ногу“, пристукнув каблуками, широко улыбаясь, поглядели на детей, и принялись дружно хлопать руками в толстых рукавицах по белой глыбе. Фигура бабы вытянулась, стала стройнее и выше. Потом немцы подняли осыпавшуюся голову, осторожно обкатали в снегу и приставили так ловко, что у бабы даже оказалась шея.

Ребята, их было трое, Володя, Коля и Сережа, стояли поодаль. Володе шел шестой год, Коле—восьмой, и были они братьями, а семилетний Сережа был их дружок. Мальчики исподлобья следили за тем, что делали немцы.

А те, хохоча и перебрасываясь снегом, увлеченные строили бабу. Они ей даже руки приделали. Хорошая была баба!

Когда немцы высверлили на лице у бабы дыры и показали их мальчикам, те мигом поняли, сорвались с места и быстро принесли угольки и щепки. Немцы вставили угольки, и баба глянула на детей черными глазами, а из щеп немцы смастерили бабе нос. Высокий немец вынул из кармана ленту, приладил ее, и у бабы стали губы красные. Затем он снял с оторопевшего Вовы синий гарусный шарф и повязал им шею бабы. Нет, такой бабы ни в одном дворе не было!

Немцы довольно оглядели снежную фигуру, сгладили ее рукавицами и зашагали к сараям, в угол двора. Там они вынули из кобур пистолеты, ярко поблескивавшие на солнце, и по очереди принялись палить в бабу. Они, конечно, ее здорово попортили, отстрелили ей нос, поранили щеку. Но детям было очень интересно следить: попадет или не попадет... А целить надо было, как они понимали, только в голову, в глаз или в нос. Скоро немцы начисто оторвали бабе ее снежную голову.

Они долго вертели ее в руках, осматривали следы пуль, спорили, потом начали ругаться. Высокий кричал что-то тонким голосом, показывая рукой на детей. Двое с черными нашивками недоверчиво покачивали головами.

Потом, они, посмеиваясь и похлопывая малышей по спинам, выстроили их у снежной бабы в тесный ряд, один за другим, велели так стоять „эйн минут“ и опять пошли к сараям.

Это, конечно, была новая игра. Мальчики прижались плотней друг к другу, робко и любопытно смотрели, как высокий, светлоглазый, тот, что доставал ленточку из кармана, долго и старательно целился в бабу.

Резко грянул выстрел, и Коля, стоявший впереди, тихо охнул и повалился ничком на снег.

Немцы заготали, тыча пальцами на высокого. Тот злобно выругался, тяжело ступая, побежал к застывшим от страха Володе и Сереже и на бегу стал стрелять по детям.

Мальчики упали рядом, а вокруг них медленно краснел чистый, прозрачно белый снег.

Немцы крича грозили пистолетами выбежавшим во двор жильцам и шагали к воротам.

Все было ясно. Высокий немец держал пари. По условиям этого страшного пари он должен был пронзить сразу одной пулей трех мальчиков, поставленных тесно в ряд, в затылок друг к другу так, как стояли у снежной бабы Волода, Сережа и Коля с Генуэзской улицы...

„ОНИ НАС РАССТРЕЛИВАЛИ...“

В ноябре 1943 года, когда советские войска овладели Перекопом и захватили плацдарм на Керченском полуострове, немцы стали поголовно угонять мирных жителей в Германию. Многие жители, забрав детей и домашний скарб, ушли к партизанам. В лес вместе с отцом и матерью ушла и семилетняя Аня Чакриди.

Немцы направили карательную экспедицию против партизан. В одной из пещер каратели обнаружили семью Чакриди и расстреляли ее. Случайно выстрелы в отца и девочку оказались не смертельными. Мать была убита.

Аню вместе с отцом доставили в госпиталь. Здесь детским, бесхитростным языком она рассказала, как издевались над ними немцы.

— Когда солнышко совсем село, мама, папа и я ушли в лес. Деревня Ангара, где мы жили, находилась почти в лесу, и нам недолго пришлось итти, чтобы спрятаться в орешниках.

Мы были не одни. С нами шли другие женщины и дети. Все пробирались к партизанам. Над речкой кто-то крикнул: кто идет? Это были партизаны. Они поговорили с папой и повели нас в отряд. Там прожили немного. Жили хорошо. В отряде были барашки, коровы, лошади, большое хозяйство, как в колхозе. Мне было весело, потому что ребят было тоже много. Шалаш, в котором мы жили, построили из парашюта, а сверху еще прикрыли листьями, а когда шел дождь — шалаш протекал, и мы сверху клали одеяло.

Однажды мы услышали выстрелы и шум самолета. Нам сказали, что идет прочес. Пошли на другое место. Папа с партизанами против немцев дрался. Потом его ранили в ногу. Мы узнали об этом и с мамой отыскали его. Партизаны дали нам лошадь, папу посадили на нее, и он ехал верхом, а мы шли за ним подальше от стрельбы. Так шли почти всю ночь.

Но потом лошадь начала ржать и этим выдавать нас. Мы ее отпустили, а сами еще немного прошли и спрятались под большой скалой. Там были и другие люди. Через нашу скалу пролетали снаряды, и было страшно. Днем я видела, как убили одну женщину. Ее застрелил немец, когда она пошла к речке набрать воды. Ночью слышно было, как где-то близко разговаривали немцы и румыны.

Днем мы пошли дальше. Пришли к речке, напились воды, сели на пенек, отдохнули и снова пошли. Потом увидели большую скалу, а в ней пещеру. В пещере мы спрятались. Я и мама все время смотрели за папой, прислушивались, как он тяжело дышит. Вдруг раздался треск, и возле нашей скалы появились румыны и немцы. Один закричал: „Не бойся, не

бойся, свои". Нам велели вылезти из пещеры. Они обыскали папу и маму. У папы немецкий офицер нашел два патрона, а у мамы книжечку с портретом дедушки Сталина. После этого немцы и румыны избили папу, маму, рвали ей грудь. Я плакала.

Потом они стреляли. Сначала—в папу, потом—в маму, потом—в меня. Я слышала, как стучал автомат: цок-цок-цок. Папа рукой защищался, и теперь у него прострелена правая рука, а мама упала и ударилась о камень головой. Больше я ничего не помню. Мне казалось, что я спала долго-долго. Когда я проснулась, у меня из шеи и рта текла кровь. Не было трех зубов. Я сидела возле мамы, а мама не дышала. Папа как будто спал. Но вот он пошевелился и посмотрел на меня...

Прожили мы на этом месте еще несколько дней. Нам очень хотелось пить, близко была речка. Папа был слабый, весь в крови. Он хотел встать, но не мог. Пришлось ему ползти. Мы все же напились воды.

Нас разыскали партизаны-разведчики. Их было несколько человек и с ними одна тетя. Она перевязала папе голову и мне тоже.

Папу понесли на носилках, а я шла. Потом один дядя взял меня на руки и тоже нес. Принесли нас в партизанский отряд, где мы немного пожили, а потом ночью нас отнесли на самолет, и мы с папой улетели.

Теперь я уже совсем хорошо себя чувствую, и голова у меня не болит, а папа говорит, что у него болит голова. Он еще не ходит. У него две пули пробили шею и язык. Когда я ему дала апельсин и спросила: „кислый?“—Он сказал, что теперь не понимает, что кислое, что сладкое. Бедный папа!

Мне в госпитале хорошо. Недавно, в праздник Красной Армии, к нам в палату пришли шефы-комсомольцы. Они принесли апельсины, лимоны, орехи, игрушки разные и двух мишек. Теперь у меня двое мишек и зайка есть. А еще мне принесли носовой платочек, беленький-беленький, и на нем вышито розовым шелком: „Аня“.

Я все время бегаю, играю, хожу в другие палаты, в кино. Недавно нас водили в школу. Там ребята играли, танцевали для нас, пели новые песни. Было очень весело. Я тоже скоро в школу пойду. Мне уже исполнилось 7 лет...

ДЕТИ ИЗ ЛЕСА

Толю Ступачева партизаны эвакуировали из леса. Его в числе многих взрослых и детей, спасенных от фашистской неволи, привезли на эвакупункт.

Толю положили на койку у теплой железной печки. Неизвестно, был ли мальчик болен или только сильно измучен, но в первый день его никакими уговорами не удалось заставить заговорить.

На второй день он поднялся. С бледного маленького личика смотрели большие голубые глаза, смотрели и ничего, казалось, не видели. Мальчик не проявлял никакого интереса к окружающему. Неохотно Толя сообщил свое имя и фамилию, а возраст он точно не знал—ему шесть или семь лет.

Несколько дней он пробыл на эвакупункте и за все время ни разу не потянулся ни к взрослым, ни к детям. Он не разговаривал с детьми, не играл с ними, не дрался по исконному мальчишескому обычаю. Едва слышным голосом, не смотря в лицо, он рассказал: отец и мать привезли его, братишку Яшу, четырех лет, и сестренку Веру, года полтора от роду, из деревни Фриденталь в лес. Мать накормила их и уложила возле знакомых людей. Она постелила одеяло прямо на земле, укрыла детей плащом, а сама с отцом куда-то пошла.

Потом начали сильно стрелять. Толе казалось, что это гром, что гора вот-вот упадет на них. Он, Яша и Верочка сначала громко кричали, а потом только плакали. А стрельба продолжалась долго. Один раз Яша страшно вскрикнул. Толя был старший. Он говорил им: „вы молчите, молчите“, и они молчали. Сам Толя не шумел, не высовывался из-под палатки. Потом ему стало очень холодно, захотелось пить и есть, но он боялся вылезть, лежал и тихо плакал.

Так прошло три дня и три ночи. Их нашел партизан-разведчик. Братишку Яшу убило, ему оторвало ногу, а сестренка Верочка замерзла. Толю партизан взял на руки и унес в лагерь. А папа и мама так и не вернулись—должно быть убили их немцы.

Толя рассказывал эту страшную повесть с совершенно безразличным видом, глаза его глядели все так же пусто, безжизненно.

...Мать и отец Толи спаслись. Через месяц и они приехали к мальчику.

* * *

Нину Бразниц тоже привезли из леса. Неподвижно, как Толя, сидела она возле теплой печки, часто принималась плакать. Ножки у нее опухли от холода и долгих хождений по

лесу. Через несколько дней она немного поправилась, начала ходить, разговаривать с детьми и даже тихонько мурлыкать песенку про „Катюшу“. Но если бы кто слышал, как грустно можно петь эту веселую песню!

— Отец мой умер,—начала она рассказ.—Жила я с мамой и бабушкой. Однажды дядя сказал маме: „Уходи в лес. Тут все-равно немцы убьют“.

— И они ушли в лес. Там было так хорошо! Все говорили по-русски и никого не боялись. Было очень весело.

— Мама и бабушка были такие добрые, такие добрые,—вспомнила девочка. Что они были добрые, видно по Ниночке: такая ласковая, скромная, тихая девочка должна была вырасти среди добрых людей.

Нина продолжала свой рассказ.

— Немцы и румыны начали обстрел леса с самолетов, из орудий и пулеметов. До партизанского лагеря было еще очень далеко. Люди, взрослые и дети, бросились бежать, как безумные. Они кричали. Падали мертвые и раненые. Бабушка держала Нину крепко за руку. Маму сразу потеряли. Вдруг бабушка упала и больше не поднялась. Какая-то женщина крикнула Нине: „Беги, девочка!“, и Нина побежала за людьми. Когда добежала до партизан, она не могла стоять на ногах от усталости. По дороге потеряла ботинки и платок. Волосы сбились в сплошной ком и расчесать их нельзя было. Одна тетя обстригла ее длинные косы.

— А маму так и не нашли,—заплакала девочка.

Нине 10 лет. Но скорбные глаза ее и тихий плач говорят о не детском горе и страдании, которыми полно ее сердечко...

* * *

Толя Лисюк тоже был вывезен из Крыма. Он с отцом и матерью пришел в лес из Симферополя, потому что в городе немцы „эвакуировали“ русских людей, т. е. вывозили и убивали. Толин отец с партизанами ушел в разведку и не вернулся. Враги начали обстрел леса. Мать Толи не умела ни воевать, ни маскироваться. Она легла на Толю, прикрыв его своим телом. Ее убило, а Толя остался жив. Ему 10 лет, но он еще не понимает и не удивляется героизму своей матери. Два с половиной года, прожитых им в Симферополе при немцах, он только и слышал о казнях и смерти; мальчик разучился удивляться...

* * *

Витя Овчаров оставил партизанский лагерь вместе со своим отцом. Андрей Овчаров, еще молодой человек, лет тридцати, лежит прикованный к постели острым ревматизмом. Мать Вити вместе с двухлетней сестренкой Томочкой попала в плен к немцам во время „прочеса“ в лесу.

Взрослые и дети, эвакуированные из леса, когда рассказывают об этом „прочесе“, совершенно серьезно сообщают, что такая-то женщина или такой-то ребенок „попали к немцам в плен“. Людям даже в голову не приходит, что в плен обычно забирают военных—солдат, офицеров. А какой же военной является мать Вити с двухлетней Томочкой на руках?

Но люди говорят правду: безоружных женщин и детей немцы захватывали и уничтожали, как боеспособного противника. Таков закон фашистских людоедов!

Много страшного видел шестилетний Витя. Он видел с горы, как немцы и румыны, захватив в лесу группу женщин и детей, резали их живых на части. Крики несчастных долетали до него. Он видел убитую женщину, которая сидела, прислонившись к дереву, прижав к груди живого ребенка. Из разбитого черепа матери ему на лицо вытекал мозг. Витя видел в лесу трупы замерзших людей и описывает их вид. Он пережил „прочес“...

На вопрос: „А тебе было страшно?“—„Очень страшно“,—отвечает мальчик.—„Но только в „прочес“ плакать нельзя и разговаривать тоже нельзя, а то выдашь сам себя“.

— А я в то время кашлял,—сокрушенно добавил Витя.

Он видел в деревне Фриденталь повешенных людей. Витя назвал их русскими.

— Все русские—красноармейцы и партизаны,—сказал он.

— А как же полицейский Жорка и такие, как он, они ведь тоже русские?—спросили у Вити.

Он немного озадачен, но быстро решает: „Они—русские немцы“.

И на его языке это означало нечто еще худшее, чем звери.

Он знает, в какой балке в лесу стояла батарея, где находился аэродром, где штаб. „Ну, а если бы ты попал в плен к немцам, и они тебя спросили, где батарея, штаб, аэродром?“

— Я бы им указал совсем другую сторону.

— Почему?

— А как же,—недовольно удивился мальчик вопросу.—Тогда же выдашь наших...

Витя хочет быть летчиком, потому что летчики лучше всех бьют немцев.

В Фридентале стояли немцы. Они там убили много русских. Они расстреливали людей, сжигали их живьем в запертых домах. Немцы часто появлялись и в родной Витиной деревне Розенталь, и в ней избивали и арестовывали. Тогда наши летчики налетали на Фриденталь и „дали духу“ немцам так, что те живо оттуда убралась и даже больше не показывались и в Розентале.

— Так может быть вы напрасно ушли из Розенталя в лес?

— Нет,— ответил Витя.— Они бы все равно нас убили. Мама даже хотела увезти Томочку и меня в лес на тачке, но партизаны прислали подводу, и мы поехали.

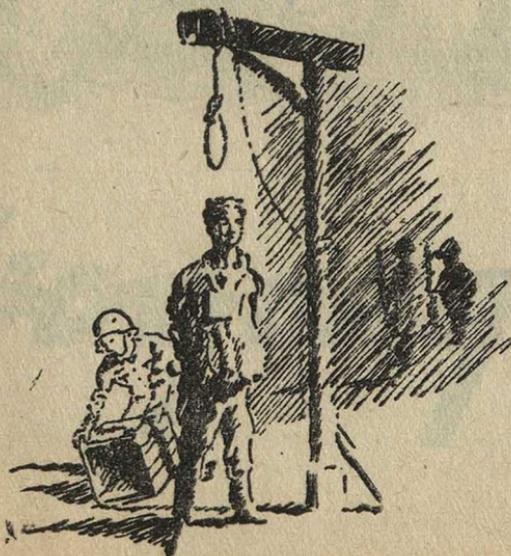
* * *

У двенадцатилетнего партизана Вовы Дегтярева на груди красуется медаль „За отвагу“ и скоро будет другая медаль— партизанская. Его родителей немцы расстреляли в Симферополе за подпольную работу и связь с партизанами. Вову тоже арестовали. В полевой жандармерии его били, подводили к виселицам, на которых качались страшные трупы. Палачи хотели этим запугать Вову, заставить его рассказать нужные им сведения. Но Вова молчал, хотя знал многое.

Из полевой жандармерии Вову и нескольких взрослых со связанными назад руками повезли на открытом грузовике в тюрьму. Напротив них сидели жандармы. Сидевшему рядом товарищу, тоже со связанными назад руками, удалось развязать Вове руки. Мальчик стал ждать удобного момента.

У моста через Салгир жандармы стали закуривать. Один миг—и Вова выскочил на ходу из машины. Жандармы подняли стрельбу, но мальчику удалось перескочить через один забор, другой, третий. Вот он уже в противоположной части города, на Севастопольском шоссе. Вова бежал к партизанам и стал разведчиком.

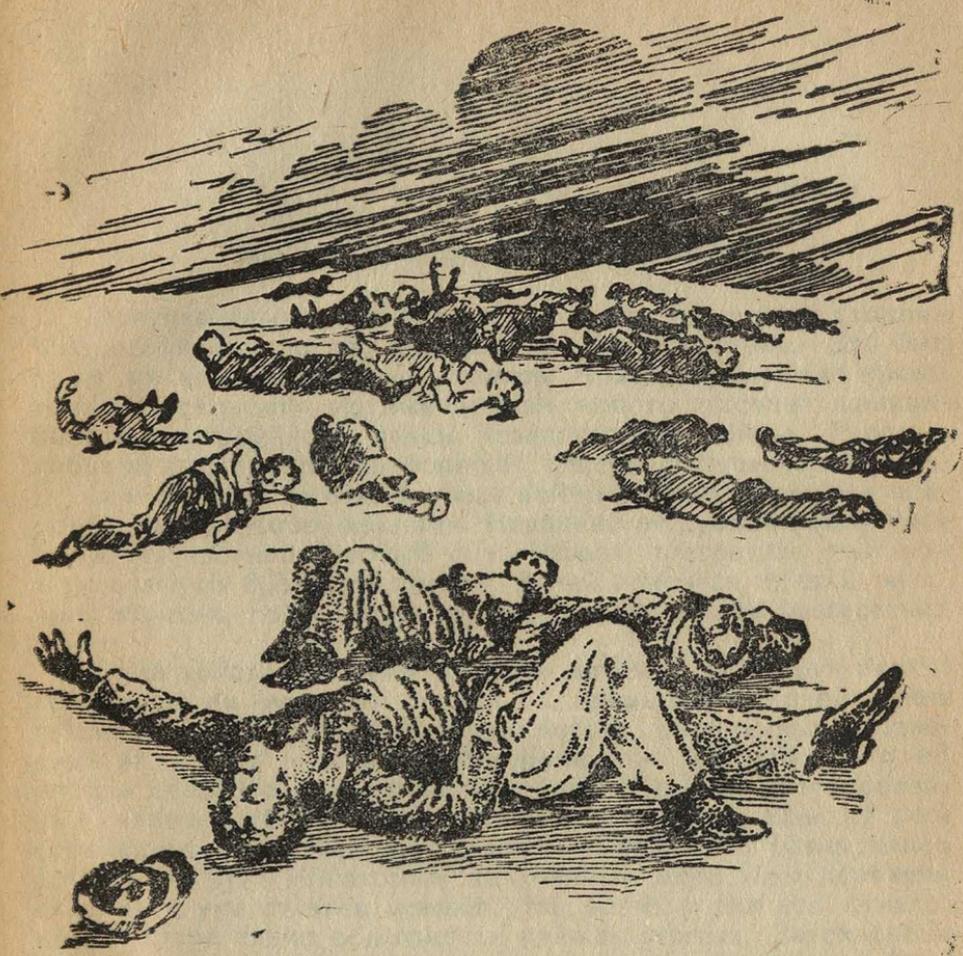
Вова поехал в Суворовское училище. Он будет советским офицером.

Так может быть и в настоящее время на Родине в лесу
 — вот — ответил Вова — Он бы все равно нас убил.
 Маме даже отдал убитого Топора, и меня в лес на танке, но
 партизаны проехали по дороге, и мы поехали.

X двенадцатого марта Вова Делгера на трам-
 каре едет в лес. За отапу, и скоро будет другая неделя —
 партизанская. Это партизанская неделя в Симферополе.
 Вова же за подпольную работу и связь с партизанами. Вова тоже
 арестован. В полковой канцелярии его били, подводили к
 инспекции, на которых канцелярия ставила труны. Партия ко-
 лее эти люди, Вова, заставлял его рассказывать о партизан-
 ском движении. Но Вова молчал, хотя знал много.
 Но полковой канцелярией Вова и нескольких заводских со-
 славными казался Вова на открытой территории в
 тюрьму. Народно-инспекция канцелярии. Сидеть в тюрьме
 товарищу, тоже со славными казался Вова, удалось избежать
 Вова Вова. Вова стал жить в удобном месте.
 У него в лесу. Сидеть канцелярия стала задерживать. Один
 мит — Вова выскочил на ходу из машины. Жандармы поджидали
 Вова, но машину удалось пересечь через одну из
 бордюров, третий. Вот он уже в противоложной стороне
 ограда, на Севастопольской улице. Вова бежал и партизанам
 и стал партизаном.
 Вова пошел в Севастопольское училище. Он будет советским
 офицером.

Люцкае

Handwritten text in a stylized, cursive script, possibly a signature or a name, located at the bottom of the page. The text is written in a dark ink and is somewhat difficult to decipher due to its cursive nature and the fading of the paper.

С. СУВОР

МОГИЛА У ЛИВЕНСКИХ ДУБКОВ

Красиво разрослись Ливенские дубки по правой стороне Феодосийского шоссе, недалеко от Симферополя. Это был один из живописнейших уголков Крыма. Кудрявые кроны деревьев скрывали уютные домики нового поселка живкомбината, построенного здесь незадолго до войны. Рядом с дубками расположилась большая пасека Наркомзема Крыма.

Эти места в первые месяцы войны были пересечены оборонительными сооружениями. Недалеко от дубков протянулся глубокий противотанковый ров. Немцы превратили этот ров в гигантскую братскую могилу. В ней покоятся тысячи мужчин, женщин, подростков, грудных детей—жертв фашистских убийц.

Сюда холодными декабрьскими ночами 1941 года немцы привозили на машинах людей. С привычным спокойствием гитлеровские палачи раздевали догола обреченных, подводили их ко рву и в упор расстреливали. Делалось это неспеша, деловито, с профессиональным навыком дрессированных человекоубийц. Душераздирающие крики еще не расстрелянных, сливаясь со стонами умирающих, разносились далеко вокруг. Некоторые колхозники окрестных деревень сходили с ума от этих криков. На время у рва все стихло: немцы старательно обшаривали одежду убитых. Затем снова возникал шум, неслись озверелые крики, раздавались одиночные выстрелы. То убийцы дрались между собой из-за дамских чулок, из-за неподделанных часов...

Через несколько часов возле рва до следующей ночи становилось пустынно. По шоссе с грохотом в сторону города неслись грузовые машины, на них пьяно орали фашистские звери с туго набитыми сумками легко доставшей добычи. А на только что притоптанной земле атели лужи еще теплой крови, слышались заглушенные подземные стоны недострелянных людей и кое-где как будто дышала, шевелилась свежая земля...

Здесь были зарыты многие, хорошо известные в Крыму люди. Под бугром, что повыше, лежит доцент Педагогического

института Петр Митрофанович Михайлов, прижав к груди ребенка, а рядом—его жена. Правее от Михайлова покоится химик Владимир Семенович Курицкий со всем своим семейством. Их было пятеро: Владимир Семенович, жена Ольга Николаевна, сын Владимир, дочь-подросток Галина и старуха мать. Велик, потрясающе велик этот скорбный список.

Вот, как все произошло.

... Первые недели господства захватчиков в Симферополе. Обыски, аресты, облавы. Людей забирали ночью с постели, находили в сараях, на чердаках и увозили. Днем хватали на улицах, бросали в грузовики, и люди бесследно исчезали. Напуганный город притих, насторожился.

Морозным январским утром, озираясь по сторонам, я осторожно пробирался в центр города. Волнение и страх усилелись, когда начал подходить к городскому саду. „Неужели и сегодня,—думалось мне,—снова увижу эти трупы с веревкой на шеях?“ Нет, их уже сняли... Облегченно вздохнул. Но только на одно мгновение. Слух и зрение за эти кошмарные ночи и дни обострились до крайности. На далеком расстоянии я уловил шум человеческих шагов. Всмотрелся. Не верилось глазам. По мостовой шли нарядно одетые люди, шли целыми семьями. Что это, разве сегодня праздник? И какие праздники могут быть при немцах? Но что-то не так. Почему на плечах у них котомки, а в руках чемоданы? И почему не радостны, а грустны и заплаканы их лица? И зачем рядом со взрослыми идут малыши, а матери бережно несут младенцев?

Перебежал на другую сторону улицы, втиснулся в толпу стоявших там людей. Услышал подавленные, глухие рыдания. Ясно, очень ясно увидел лица шедших по мостовой. Они не по своей воле вышли на улицу. Их гнали, как скот. Я увидел бледных беременных женщин, увидел прижатых к груди младенцев, увидел впереди, по бокам и сзади скорбной процессии браво шагавших краснорожих гитлеровских конвоиров.

Страшная догадка... Припомнил немецкие приказы последних дней, разговоры, слухи.

Дней пять назад фашисты издали приказ:

„1. Все евреи, независимо от возраста и пола, подлежат немедленной регистрации.

2. Все евреи, независимо от возраста и пола, обязаны носить на груди белую шестиконечную звезду.

Не выполнившие этого распоряжения будут караться по законам военного времени“.

Потом новый приказ: „Все евреи обязаны немедленно сдать имеющиеся у них теплые одеяла“.

А через день—еще: „Евреи обязаны немедленно сдать все имеющиеся у них ковры“.

И опять: „За невыполнение и укрывательство... по законам военного времени“.

А через два дня симферопольцы, содрогаясь от ужаса, увидели страшную картину. На арке входных ворот городского сада, на перекладине щита для афиш на углу Ленинской и Салгирной, на сучьях акаций по Фонтанной, на Пушкинской, на Жуковской, на Севастопольской, возле базара, на площади у вокзала—по всему городу на воротах и деревьях висели люди, и ветер раскачивал холодные трупы. Висели молодые сильные мужчины, висели юноши, пожилые, старики. У каждого на груди была прочно прикреплена небольшая, аккуратно и тщательно отделанная дощечка, и все одинакового размера, и на всех одинаково каллиграфически написанная страшная надпись: „Еврей. Повешен за неявку на регистрацию“. С ужасом в застывших глазах вглядывались люди в закоченевшие трупы и узнавали знакомых, родных, вовсе не евреев.

Все делалось с дьявольской хитростью с холодным фашистским расчетом. Сначала регистрация и опознавательные знаки, клеймо. Это—чтобы не укрылись, не спрятались, а, главное, чтобы шпики и иные мерзавцы вернее следили, сообщали, доносили. А затем—новое злодейское распоряжение: „Всему еврейскому населению в срочном порядке приготовиться к выезду из города, забрать с собой необходимые вещи и на семь дней взять продукты“.

Дрогнули сердца у людей. Недобрые разнеслись по городу слухи. Они были не выгодны немцам. И немцы стали распространять другие, успокаивающие слухи. Евреев-де будут выселять только из Симферополя и отправлять в Джанкой, а если кто из них пожелает—в Польшу. Ничего страшного. В городе должны быть размещены солдаты. Ведь война...

Но все уже знали, что должно произойти что-то жуткое, неслыханное, потому что видели, как из опустевших квартир фрицы увозили диваны, столы, картины, посуду, белье. Забирали и тащили все подчистую.

Скоро оправдались самые страшные догадки.

„Переселенцы“ недолго ждали своей скорбной участи. Недолго томились они без воды и пищи в холодных подвалах. Измученных, исстрадавшихся, их через несколько дней погрузили в машины и вывезли за город, к глубокому противотанковому рву на Феодосийском шоссе, недалеко от Ливенских дубков.

В ТЮРЬМЕ НА ЛУГОВОЙ

В Симферополе на Луговой улице гестаповцы устроили „политическую“ тюрьму. В этой тюрьме я просидела пять месяцев, муж—на две недели дольше.

Арестовали нас 10 января 1943 года. Меня посадили в одиночную камеру, которую через разбитые окна засыпало снегом. В камере стояла садовая скамейка. Больше ничего не было.

Четыре дня я провела в этой одиночке в томительном ожидании первого допроса. На допросе мне пред‘явили обвинение в том, что в нашей квартире собирались люди для противонемецких разговоров на политические темы. Я категорически отказалась от этого обвинения, а следовательно, видимо, никаким другим материалом, кроме доноса, не располагал, так как при обыске у нас ничего не нашли. На следующий день меня перевели в другую камеру.

Тюремный день начался в шесть часов утра. Двери камер открывались. Заключенных выгоняли оправляться. На это давалось 3—4 минуты. Замешкавшихся подгоняла резиновая плетка тюремщика. Этого момента—оправки—мы ждали с ужасом, ибо за 3—4 минуты очень трудно было успеть спуститься со второго этажа на первый и вернуться обратно. Умыться нам удавалось очень редко, времени не оставалось. Брать воду из умывальника с собой строгойше запрещалось. Муж попытался как-то раз это сделать, в наказание комендант тюрьмы натравил на него овчарку.

Кормили нас два раза в день: приносили по консервной баночке „баланды“ и по 50 граммов суррогатного хлеба.

Спали на тех же голых садовых скамьях, которыми была „оборудована“ вся тюрьма.

Муж просидел в холодной одиночке 45 дней и обморозил себе ноги. Неоднократно подвергался избиениям. Избили его однажды за то, что он не пошел на „оправку“, а попытался передать мне кусочек хлеба.

Вопли истязуемых раздавались то в одной, то в другой камере. Они были ужасны, эти крики беззащитных людей, немилосердно избиваемых гестаповцами.

В апреле 1943 года в Симферополе убили одного предателя. Так как убийца не был пойман, главнокомандующий Клейст отдал приказ расстрелять всех заключенных нашей политической тюрьмы. Но на третий день гестаповцы схватили какого-то человека и приписали ему убийство предателя. Этот человек прожил в тюрьме всего неделю. Били его страшно, по несколько раз в день. Я видела его однажды.

Был канун пасхи. Меня и других женщин повели убирать

помещение, в котором жили тюремщики. Внезапно заперли двери. Послышались шаги и сопение, какое бывает, когда несут тяжесть. Продолжая уборку, я заметила, что на дворе раздевают человека. Кожа его была сплошь в кровоподтеках и ранах. Это был мнимый убийца.

Избиения заключенных были системой в тюрьме.

Полторы недели, с истинно немецкой методичностью, каждое утро и каждый вечер избивались палками и травились собаками двое заключенных, сидевших в угловой камере.

Мы были уверены, что нас расстреляют. Почти ежедневно из камер забирали заключенных на расстрел. Мне известны фамилии не менее ста расстрелянных.

Со мной сидела врач Анисимова, симферопольский хирург с двадцатилетним стажем. Ее подозревали в связи с партизанами. Анисимову расстреляли в июле 1943 года. Молодой врач из Бешарани Клавдия Сойникова, вылечившая офицера Красной Армии, майора Половцева, была расстреляна вместе со своим пациентом.

10 мая 1943 года были расстреляны Надежда Кенаркина, артистка, и Сергиенко Зина, студентка планово-экономического техникума.

Зина Сергиенко была привезена в тюрьму страшно избитой. Молодая, красивая, она вскоре привлекла внимание одного из тюремщиков. Зину перевели в отдельную, специально для нее обставленную камеру. Но принудить гордую советскую девушку к сожительству гестаповцу не удалось. Ее перевели в общую камеру и вскоре увели на расстрел.

27 мая 1943 года была расстреляна группа работников Крымводхоза. Среди них мне известны инженер Мордовин, техник Самсонов, машинистка Гончарова. В этот день был расстрелян 21 человек, в том числе группа крестьян окрестных деревень. Все они были объявлены партизанами. Их вывели во двор, построили, сфотографировали, затем раздели и в нижнем белье посадили в машины.

18 мая привели из Феодосии 25 человек, обвинявшихся в связи с партизанами. Всех их также расстреляли.

В этот же период фашисты расстреляли Зинаиду Квитченко, девушку из станицы Теплоречье на Кубани. На стене она оставила надпись: „Здесь сидела советская девушка-парашютистка“.

Все расстрелы производились в Петровской балке.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С приходом немцев в Симферополе замерла вся культурная жизнь.

Помещение, где находилась Центральная библиотека, понадобилось немцам под склад. Очень незначительная часть книг была поспешно вывезена старыми работниками библиотеки в другое помещение, совершенно неприспособленное под книгохранилище. Все остальные книги немцы выбросили во двор и сожгли. Таким же способом были уничтожены библиотеки Педагогического института и техникумов—планово-экономического, автодорожного, консервного.

Прекрасное здание, где находилась картинная галерея и панорама штурма Перекопа, гитлеровские варвары превратили в конюшню, кино „Юнг-Штурм“—в гараж.

Все школьные помещения были отведены воинским частям. Школьный инвентарь—парты, столы, стулья—пошел на топливо, учебные пособия были выброшены в мусорные ящики.

Интеллигенция города оказалась без работы. Учителя, врачи, инженеры были вызваны биржей труда и направлены на уборку улиц, обработку огородов и садов.

Чтобы добыть средства к существованию, одни переехали в деревни, другие пошли в чернорабочие, уборщицы, прачки. Например, плановик-экономист промкооперации А. С. Перепелкин стал грузчиком, преподавательница географии Дроганова превратилась в продавца газет.

Дикий произвол, царивший в городе, обрушился и на интеллигенцию. Пять раз переселяли преподавательницу Булгакову из одной квартиры в другую. В шестой раз она осмелилась заявить немецкому офицеру протест. Тогда ее вытолкнули из квартиры, а вещи выбросили во двор.

Многие интеллигенты города погибли от рук гестаповцев. Были расстреляны талантливые артисты Д. Б. Смоленский и А. И. Добкевич, директор строительного техникума В. М. Цапкин, доцент кафедры русского языка и литературы Пединститута П. М. Михайлов и его жена—преподавательница русского языка. Врач Никольская была расстреляна только за то, что прочитала номер газеты „Красный Крым“. Бухгалтер симферопольского отделения Крымсоюза И. Р. Иванов был расстрелян за несколько слов, выражавших недоверие к сводкам немецкого верховного командования.

Погиб вместе с женой профессор Балабан, который был известен своими научными работами не только в Крыму, но и за его пределами.

Результатом фашистского террора явился и ряд случаев самоубийства среди симферопольской интеллигенции.

Немало интеллигенции угнано из Симферополя на фашистскую каторгу.

Тяжелые потери причинили оккупанты советской интеллигенции Симферополя. Но тот, кто остался в живых, с огромной радостью отдаст все свои силы и знания восстанию своего любимого города, возрождению свободной и светлой жизни.

К. КОВАЛЬЧУК

КАЗНЬ ЗАЛОЖНИКОВ

В конце ноября 1941 года в Симферополе, на Полигонной улице, где раньше находились склады „Утильсырья“, разместился конный обоз немцев. С первых дней своего появления солдаты-обозники начали заниматься безудержным грабежом. Они отбирали у жителей все, что попадало под руку: вещи, продукты, продовольствие, и, особенно, охотились за курами, за что наши люди вскоре и прозвали их „курятниками“.

На третий день пребывания конного немецкого обоза в помещении складов „Утильсырье“ произошел взрыв. Один из немецких солдат каким-то образом наткнулся на мину и подорвался вместе с лошадью.

Немцы решили использовать этот случай, чтобы расправиться с мирным населением города. По радио было объявлено, что за смерть немецкого солдата в 12 часов следующего дня будут расстреляны 50 жителей Симферополя.

В назначенный день немцы оцепили улицы Братскую, Выгонную и Полигонную и силой оружия пригнали толпу зрителей на склады к месту, где произошел взрыв мины.

Спустя некоторое время на двух грузовых автомашинах привезли под охраной 50 советских граждан. Немцы начали садистскую расправу с привезенными жертвами.

Пьяные солдаты стаскивали беззащитных людей с машин по двое, скручивали им руки сзади, и тут же у машины, на виду у остальных, убивали выстрелами в затылок разрывными пулями.

Когда все привезенные были расстреляны, немецкие солдаты и полицейские, дико хохоча, снимали с убитых обувь и другие вещи и начали пьянствовать, а согнанным на это зрелище жителям приказали закапывать трупы.

Только к вечеру оцепление было снято. Жители, невольные свидетели этой кошмарной расправы, воспользовавшись темнотой, разбежались.

Ноябрь 1943 года. Первые дни на освобожденной земле Керченского полуострова. В воздухе непрерывный гул артиллерийской канонады. Вокруг рвутся снаряды, вздымая клубы черного дыма и пыли. Волнами появляются вражеские бомбардировщики. Над районом металлургического завода имени Войкова, разрушенного и преданного огню немецкими варварами, идет горячий воздушный бой.

Прижавшись к морю, растянулось вдоль побережья рыбацкое селение Капканы. Здесь жили рыбаки, вылавливавшие замечательную керченскую сельдь. Вечерами на улицах звучали веселые песни молодых рыбаков. Сейчас поселок мертв, здесь нет жителей, их угнали в немецкое рабство. Вот полуразрушенный дом. На стене сохранилась дощечка с надписью: „2-й Степной переулоч, дом 8 Ломаха“. На полу валяются остатки разбитой мебели, словно после погрома. На стене наспех начертанные слова:

„Писала и слезы лила. Здесь жила семья Ломахи Харитона и Новикова Ивана, их эвакуировали, не знаем куда. Писала Ломаха Людмила, родившаяся в 1925 году 9 марта. Кто будет жить, пусть не забывает нас. Кто будет находиться здесь, братья и тети, дяди и сестры, не забывайте нас.“

Целую всех дорогих братьев и сестричек, всех, всех бесчисленно раз.

Дорогие братики, не забывайте нас. Ваша сестра Милочка. Эвакуировали 12 октября, во вторник“.

Подобные надписи можно встретить и в других домах.

Гитлеровцы угнали из поселка всех, от мала до велика.

Чудом оставшаяся в рабочем поселке Анна Аникеевна Гузь со слезами на глазах рассказала о чудовищных зверствах гитлеровцев. Ее мужа, рабочего прокатного цеха завода имени Войкова, вместе с сотнями других рабочих расстреляли немцы еще в первые дни второго захвата Керчи.

— Против моего дома был женский лагерь, — передала Анна Аникеевна. — Вот за этой колючей проволокой томились девушки и женщины Крыма, Кубани и Украины. Их согнали сюда строить мост через пролив. Били их страшно. Кормили отрубями. Каждый день хоронили умерших от непосильного труда, недоедания, побоев. Но все это ничто по сравнению с тем, что творили немцы в каменоломнях...

По крутым ступенькам — спуск в каменоломни. Тусклый свет фонаря „летучая мышь“ осветил коридор. Здесь, под землей, тишина и безмолвие. Можно долго идти по бесчис-

ленным коридорам, большим залам, немим свидетелям страданий советских людей. Везде могильный холод, тлен, смерть...

В одном из залов еще жила группа жителей Аджи-Мушкая. Задыхаясь от непрерывного кашля, рассказывали о кровавой драме в каменоломнях эти оставшиеся в живых немногочисленные обитатели подземного убежища.

В мае 1942 года, когда наши войска оставили Керченский полуостров, русские люди уходили сюда, в каменоломни.

— Будем держаться, пока есть силы. Лучше смерть, чем немецкая неволя,—говорили они.

Не сдались врагу русские люди. Шесть месяцев провели они под землей, без чистого воздуха и света. Штыками и киркой они вырыли в скале колодец и добывали воду.

Немцы обнесли каменоломню колючей проволокой и вывесили дощечки с надписью на ломаном русском языке:

„Замеченные ходить возле пещера—будет расстрел на месте“.

Никакие угрозы немцев не заставили советских патриотов склонить головы. Тогда гитлеровцы заминировали обнаруженные ими выходы, во многих местах взорвали скалы. Сотни обитателей каменоломен погибли под обломками. Единственный колодец засыпало. Изможденные люди, страдавшие от жажды, высасывали влагу из стен и потолков. Известь разедала губы.

— Тяжело, очень тяжело было смотреть на детей, сосавших стены,—рассказала Лидия Харлампиевна Данченко, муж и два сына которой погибли здесь.

Дети подражали взрослым, они подходили к стенам и языком высасывали влагу. Губы и язык опухали, покрывались ранами. Как огня боялись малыши стен, но жажда брала свое. Они плакали и продолжали смачивать раненые ротки каплями влаги со стен.

Немцы не унимались.

Варвары прорубили в скалах скважины и пустили в подземные залы густой дым, пытаясь выкурить обитателей катакомб. И это не помогало. Тогда изверги применили удушливые газы против жителей каменоломен.

— Наш зал был далеко от того места, где немцы пускали газы,—продолжала свой грустный рассказ Лидия Харлампиевна, но отравленный воздух просочился и к нам. Кто имел противогазы, тот надевал их. Многие из нас ощутили во рту сладость, а затем нас начало душить. Мы быстро обернули лица влажными тряпками, полотенцами, сорочками и легли лицом к земле. Мне, дочери и некоторым соседям удалось остаться живыми, а многие погибли.

Вот места, где немцы пускали газы. Подземная галерея. Возле стены лежит замотанный в простыню скелет. Борясь с удушливыми газами, человек кутался в мокрую простыню,

но это не спасло его. Еще одна галерея. На кроватях лежат скелеты, в углу сидят обнявшись два человека; так они и умерли. Их истлевшие скелеты рассыпаются. В соседней галерее—такие же скелеты. В третьей галерее—груда истлевших костей и черепов. Видимо, здесь жители подземного города хоронили своих товарищей.

Прошло несколько дней после применения газов. У одного из входов появились немцы и громко крикнули: „Рус, выходи, а то всем будет капут“. В ответ раздалось несколько залпов. Трое немцев упали замертво. Это стреляли партизаны, охранявшие входы в катакомбы.

Когда немцы перед отступлением в ноябре 1943 года объявили всеобщую обязательную эвакуацию и за уклонение от нее пригрозили смертью, в Аджи-Мушкайские катакомбы пришли новые тысячи жителей Керчи и многих окружающих селений. Они дождались прихода Красной Армии и рассказали о чудовищных зверствах немцев.

Учительница Аджи-Мушкайской школы Валентина Михайловна Желко передала:

— Когда немцы покидали наш поселок, они угнали 500 жителей в одну из катакомб Аджи-Мушкай и взорвали ее, похоронив всех под обломками. Среди погибших было много стариков и детей.

Валентина Михайловна и другие жители Аджи-Мушкай и Булганак часто видели, как к рвам вблизи этих селений приезжали из Керчи душегубки и выгружали трупы женщин и детей. В этих рвах, по определению жителей, похоронено по меньшей мере до двадцати тысяч человек:

Свидетелем жуткой расправы была Евдокия Борикина. На ее глазах немцы схватили 80-летнего Рыкова и его 82-летнюю жену и живыми бросили в колодец.

Не менее страшную картину уцелевшие жители наблюдали на море. Отступая с Керченского полуострова, немцы погрузили на баржу несколько сот детей и потопили их. Над местом страшной расправы долго стоял плач и стон.

Никогда не забыть Аджи-Мушкайских каменоломен, рвов возле них, не забыть Багерова рва, плача тонущих детей, стонов матерей и стариков!

Недалеко от Керчи, у Царева кургана и Аджи-Мушкая, под землей на километры растянулись знаменитые каменоломни.

Когда летом 1942 года Красная Армия оставила Керчь, сюда, в этот огромный подземный город, спасаясь от немцев, стали стекаться тысячи людей. Они решили ни при каких обстоятельствах не сдаваться фашистским людоедам.

Так началось жестокое сопротивление. Люди шесть месяцев жили под землей, во мраке, без свежего воздуха. Когда кончилась вода, они собирали капли со стен. Ножами пробивали камни и после нечеловеческих усилий добрались до воды—открыли двадцатиметровый колодец.

Кончились принесенные с собой продукты. Начался голод. Но люди не сдавались. Напрасно гитлеровцы трусливо подкрадывались к входам в катакомбы и вкрадчиво предлагали:

— Рус, сдавайся!

Гремели выстрелы, с разных сторон летели камни, и немецкие солдаты навсегда оставались лежать у катакомб.

А голод все сильнее мучил людей. Каждый день умирало несколько человек. Теперь суточный паек состоял из нескольких крупинок сахара и стакана воды. Люди мечтали о корке хлеба. Но это было несбыточное желание. Немцы блокировали катакомбы, со всех сторон окружили подземный город, заминировали все подступы к нему и высекли на скалах зловещие надписи исковерканными русскими словами: „Замеченные ходить возле пещера—будит расстрел на месте“.

Герои не сдались. Они умерли—гордые, непокоренные, с глубокой верой в торжество нашей борьбы, с пылающей ненавистью к немцам. Они умерли, и в их гибели было бессмертие.

Катакомбы сохранили останки героев. В подземных комнатах лежали сотни человеческих скелетов. Они покоились на кроватях, в углах, на охваченных тленом простынях и одеялах.

Уничтожив тех, кто укрывался в пещерах, немецкие изверги начали жестоко расправляться с жителями Керчи. На улицах появились виселицы. От здания керченского гестапо к новому Аджи-Мушкайскому рву курсировали гитлеровские „душегубки“. По словам уцелевших аджимушкайцев во рву находится более двадцати тысяч трупов.

И вот однажды, в тяжелые дни немецкого террора, по всей округе пронеслась крылатая весть.

— Партизаны заняли катакомбы! В катакомбах наши!

И снова потянулись люди к пещерам. Шли семьями, с детьми, с домашним скарбом. Теперь катакомбы наводили

ужас на немцев. Оттуда по гитлеровцам стреляли не только из винтовок—из пещер немцев косил пулеметный огонь.

В день двадцать пятой годовщины Красной Армии над самой высокой скалой заревом вспыхнуло красное знамя. Разъяренные немцы били по знамени из пулеметов, из орудий, но тщетно. Альп стяг гордо реял над скалой.

Гитлеровцы страшились катакомб. После того как партизаны разбили четыре вражеских автомашины, перебили группу германских офицеров и солдат, немцы бросили против катакомб три танка. Однако положение не изменилось. Катакомбы оставались в руках партизан. В пещеры, спасаясь от фашистского ига, шли все новые люди—семья Маслова, Данченко, Овечкина, Манучаряна, пришли сюда керченские девушки Надя Коротченко, Маша Нечаева, Надя Васильева, пришли подростки Вася Коротченко, Миша Блохин. Сотни керченских жителей укрылись в партизанских пещерах. И когда Красная Армия вступила на Керченский полуостров, из-под земли вышло множество людей. Изможденные от пережитых страданий, они плакали и целовали своих освободителей.

История запишет на свои страницы имена тех, кто вел исполинскую борьбу в катакомбах.

Это—жители города Керчи Андрей Викторович Старицын, Иван Петрович Смирнов, Сергей Николаевич Жуков, Григорий Андреевич Пастушенко, их жены, их дети. Это—юноши—Николай Грузинский, Василий Сахаров, Василий Бражнин, Михаил Крамской, девушки Галина Манукова, Зина Красина, Нина Пономаренко, это—керченские комсомольцы Виктор Сазонов, Мария Бойченко, Клавдия Кузнецова, Валентина Зубенко.

Память о них навсегда останется в народе.

И. БУРОВ

НА ЭТО СПОСОБЕН ТОЛЬКО НЕМЕЦ

Советское Информбюро сообщало о потоплении немцами в Черном море мирных жителей Крыма. Факты неопровержимо говорят, что это был далеко не единичный случай. Немцы, с присущей им звериной жестокостью, сделали потопление одним из способов массового уничтожения мирного крымского населения.

В конце 1943 года все мужское население в городах и селах Крыма было мобилизовано для так называемой эвакуации в Германию. С Керченского полуострова были угнаны все мужчины в возрасте от 14 до 70 лет, из Феодосии, Старого Крыма, Судака, Карасубазара и других городов и сел—

все мужчины от 18 до 50 лет. Но до Германии многие из них не доехали. В Симферополе их погружали в вагоны. Эшелон за эшелон отправлялся в Севастополь или в Евпаторию. Там людей погружали на баржи, вывозили в открытое море и сбрасывали за борт. Спусти несколько часов баржи возвращались в порт пустыми. Такая же участь постигла и советских людей, заточенных в симферопольских казармах по Эскадронному переулку. Многие тысячи были таким образом „эвакуированы“ немцами на дно морское.

О потоплении советских граждан рассказывали сами фашисты. Военнопленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2—19 МКА (морской транспортной роты) показал:

„Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли всходить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли. Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустыми. От команды этих барж я узнал, что всех выбросили за борт“.

Кто не знал ранее оживленного евпаторийского пляжа с возвышавшимися над ним многоэтажными корпусами здравниц? Тысячи детей приезжали сюда из республик, краев и областей нашей страны. Они грелись на бархатном песке, купались, плескались в морской воде, вздымая серебристые брызги. С утра до позднего вечера здесь слышались смех, песни, веселый говор.

На этом пляже были обнаружены следы фашистского преступления.

„После шторма 5 февраля,—рассказал рабочий порта, который ушел в лес к партизанам,—на евпаторийский берег выбросило большое число трупов. Своими глазами я видел полуобнаженных детей, стариков и женщин. В полдень весь берег был оцеплен немецкими солдатами, и никому из граждан не разрешали подходить к морю“.

Быть может, среди этих трупов были дети, которые два с лишним года назад купались здесь в море, загорали на пляже. Только за то, что они были советскими детьми, немцы потопили их в море. Бездыханные трупики их, распластанные, лежали на песке...

Поистине, на это способен только немец!

ЛАГЕРИ СМЕРТИ

В колонне военнопленных, сопровождаемой сильным конвоем, шел я по севастопольской дороге. К вечеру нас погнали почти бегом. Измученные красноармейцы бросали мешки, шинели, а конвоиры все неистовствовали. Пленные выбивались из сил, падали, поднимались, снова падали. Сзади стали раздаваться выстрелы. Это фашисты пристреливали отстающих.

Привал... Почти в бессознательном состоянии мы свалились на землю. Придя после отдыха в себя, пленные потянулись к воде. Стоявшие по ту сторону речки румыны и немцы открыли по ним стрельбу.

Когда на рассвете я пошел к речке, меня встретил товарищ и сказал, что на берегу немцы застрелили больше ста пленных, шедших напиться. Ему пуля попала в ногу. Я все же пополз к речке и увидел убитых. Они лежали на песке, в воде, в кустах... На этом привале немцы убили 150 человек. Раненых палачи добили.

На рассвете колонну выстроили и погнали в деревню Старые Шули. Скоро опять раздались выстрелы позади колонны...

Вот он, лагерь Старые Шули. Площадка на склоне горы, обнесенная колючей проволокой. А за ней тесно друг возле друга — пленные. После нас в лагерь пригнали севастопольских рабочих. Идя по той же дороге, по которой гнали нас, они насчитали до 430 человек убитых, лежавших вдоль шоссе.

Не прошло и двух часов, как нас снова подняли, не дав ни воды, ни пищи. Путь до Бахчисарая ничем не отличался от предыдущего. Те же окрики, то же пристреливание отстающих. В конвое появился верховой немец с длинной кизиловой палкой. Он беспрестанно скакал вдоль колонны и бил этой палкой всех, кто попадал под руку.

К вечеру 4 июня мы достигли бахчисарайского лагеря. Он был расположен юго-западнее города, на крутом южном склоне горы. Здесь некуда было укрыться от жгучего солнца. Нас поместили на небольшой площадке, обнесенной четырьмя рядами колючей проволоки. Мы лежали друг возле друга, задыхаясь от жары и жажды.

Воды нам гитлеровские палачи не давали. Мучимым жаждой людям ничего не оставалось делать, как пробираться через проволочные заграждения к грязной воде, протекавшей по канаве метрах в шести от лагеря.

По ту сторону канавы стояли постовые румыны. Они открывали стрельбу по людям, ползшим к воде. Пленные падали замертво. Тех, кто уцелел, на обратном пути, немецкие

разбойники избивали палками. Наслаждаясь этой „увлекательной игрой“, немцы кричали: „вода, вода... пить... капут...“.

Эта страшная пытка жаждой проводилась в бахчисарайском лагере изо дня в день. Чтобы сделать эту пытку еще более мучительной, палачи выдавали пленным соленую ржавую хамсу, после которой люди рвались к воде, уже не думая о неминуемой смерти.

Очень быстро в лагере распространилась дизентерия. Ежедневно она уносила сотни людей. Трупы свозились в огромные общие могилы, расположенные недалеко от лагеря. Могилы засыпали только тогда, когда они заполнялись. Трупы терзали вороны и собаки. Над лагерем стояло невыносимое зловоние.

В южной части лагеря был отделен колючей проволокой небольшой угол, который мы называли „мышеловкой“. За эту проволоку попадали те, к которым немецко-фашистские бандиты пред'являли „особый счет“. В „мышеловке“ людей раздевали, нещадно избивали, а к вечеру выстраивали и уводили. Обратного возвращались только конвоиры. Жертвы расстреливались в долине западнее лагеря за дамбой железной дороги.

Вторая „мышеловка“ была устроена в другом углу лагеря. Ее накрыли брезентом и над входом повесили надпись: „Красный Крест“, формально это был пункт медпомощи, а по существу—мертвецкая.

В палатку помещали больных и раненых. Брезентовая дверца опускалась за ними, и все было кончено. Медицинской помощи раненым не оказывали. Они жаживо гнили. Из палатки выносили только мертвцов. Трупы сваливались в те же могилы.

С 10 июля 1942 года бахчисарайский лагерь начали разгружать. Формировались этапы. Слабые, обессиленные, еле передвигая ноги, уходили мы и радовались: „Прощай, лагерь смерти“. Но очень скоро убедились, что радоваться было нечему. Гнали нас, как стадо баранов. Палки гуляли по спинам и головам. Люди стали падать. Конвоировали нас румыны, а немцы шли позади колонны и пристреливали тех, кто отставал.

К вечеру мы пришли в Симферополь, в так называемый „картофельный городок“. Когда принимавший нас немецкий офицер произвел подсчет, оказалось, что наша колонна уменьшилась больше чем на 300 человек. Они были по дороге пристрелены фашистскими извергами.

Симферопольский лагерь отличался от бахчисарайского только тем, что тут имелись сарай и навесы, где можно было укрыться от дождя. А порядки здесь были те же самые. Так же ежедневно вылавливали „подозрительных“ и уводили их за ворота, так же свирепствовала в лагере дизентерия, косившая людей десятками.

Наши надсмотрщики были вооружены черными резиновыми палками, которые они особенно щедро пускали в ход при очередной раздаче хлеба и баланды. Этими палками выбивали глаза, разбивали лица.

Офицеры развлекались более „утонченно“. Они входили в лагерь с овчарками и, избрав какую-нибудь жертву, натравливали на нее собак. Овчарки набрасывались на человека, рвали его одежду, тело. Мучимый человек кричал диким голосом. А офицеры смеялись и, досыта насладившись этим зрелищем, отзывали собак и ласкали их.

Пленных начали посылать на работы. В первые дни не было человека, который не стремился бы выйти „на волю“. Но желание итти на работу очень скоро прошло. Резиновая дубинка с еще большим остервенением ходила по нас на работах. В лагерь всегда возвращалось меньше людей, чем уходило. Людей калечили, потом их увозили в лазарет, где их ждала смерть. Чаще всего больших убивали на месте. Больше всего гибли пленные на строительстве шоссе на дорогах.

СУДЬБА ОДНОЙ ДЕРЕВНИ

Зажиточно и счастливо жили колхозники села Баксы, Маяк-Салынского района. Колхозные поля и огороды давали богатые урожаи пшеницы и овощей, а море обильно снабжало колхозников рыбой. 254 головы крупного рогатого скота, до тысячи овец и много лошадей паслось на колхозных лугах. Была школа—семилетка, были хорошо оборудованный колхозный клуб, фельдшерский пункт. Жили в просторных каменных домах.

Но в Крым пришли немцы и принесли с собой смерть, грабежи, разрушение. В первые же дни оккупанты расстреляли колхозника Федора Павловича Карпова и двух раненых красноармейцев, которые лежали у него на квартире. Немцы создали в селе концлагерь, куда согнали более 300 мирных жителей—мужчин и женщин с Украины и Кубани. В лагерь забрали также большинство жителей деревни Баксы. Непосильная каторжная работа с 6 часов утра до позднего вечера, плети и голод—таков был удел заключенных в лагере.

До прихода немцев в селе насчитывалось 1240 жителей, а к моменту его освобождения, в ноябре 1943 года, осталось 35 человек, в числе которых мужчин—4, женщин—13, детей—18. Остальных фашисты угнали на каторгу в Германию, или, отступая под ударами Красной Армии, увели с собой.

Угоняя жителей, немцы разрешили им взять только то, что они могли унести с собой. Все остальное имущество колхозников забрали немецкие грабители.

Жительница села Баксы Прасковья Белоненко, очевидец всех ужасов немецкого господства, рассказала:

— Мне 52 года. Полвека прожила на свете. На старости лет пришлось пережить фашистскую неволю. Хуже смерти она! Всякий человек жить хочет, смерти не желает. А при немцах многие думали: „Лучше уж смерть, чем такая жизнь“. Жили мы до войны ладно, зажиточно. Село недалеко от города Керчи. Кто рыбачил, кто на заводе работал. Каждый свою жизнь строил, детей растил, думал внучат дожидаться.

Пришли немцы—ироды, и все прахом пошло. Кого убили, кого в рабство угнали. Было в селе 240 дворов, а теперь 10 семей живет. И домов нет—разбили, сожгли, взорвали. Я почти всех односельчан в лицо и по имени, отчеству знала. Сейчас вспоминаю их, и страшно становится: тот—мертвец, в земле лежит, этот—пропал, как в воду канул. Где Молвятенко, председатель колхоза, где Иван Пройдан, Настасья Герасценко, Дарья Лейман, 60 лет ей было, где они? Пришли за ними немцы, увели. И нет с тех пор об этих несчастных людях ни слуху, ни духу.

А как грабили народ немецкие враги! Совсем озверели они, когда наши побили их на Тамани. Все подчистую стали грабить. Кое у кого еще коровы оставались, припрятали от немецких жадных глаз, так они и последних коров отняли. Потом почуяли немцы, что им у нас не панствовать, что придется убираться с чужой земли. Выгнали они жителей из села в лагерь, там подержали немного и погнали в Симферополь. Если кто не хотел итти или отстал по слабости, немцы до смерти били прикладами. Я дождалась темной ночи и убежала. Перетерпела много страху, но дождалась своего, встретила родную Красную Армию!..

Такова судьба одной деревни, пережившей хозяйничанье гитлеровских головорезов. Как похожа она на сотни других! Кровавый след тянулся всюду за сапогом гитлеровских захватчиков...

Т. БОРОВИЧ

ПРОВОКАТОРЫ

Однажды ночью, в первых числах декабря 1941 года, во дворе домика, где проживал мой дядя Семен Антонович Борович, залаяла собака. Сын Семена Антоновича Константин поднялся с постели и стал всматриваться через окно во двор. Ночь была лунная, и Константин заметил, что кто-то роется возле сарая, где стояла корова. Решили: не иначе, как румынские или немецкие грабители собираются увести ее со двора. Выходить из дома Константин не решился потому, что в Алуште ночью оставлять дом было запрещено под угрозой расстрела.

Тревожная ночь прошла, и на утро оказалось, что во дворе все в порядке и корова цела. Кто же это был ночью у сарая?

Ответ последовал незамедлительно, в то же утро. В дом явились гестаповцы и начали обыск. Все было перерыто, но ничего не найдено. Немцы вышли во двор. Казалось, все закончилось, но вот они направились к сараю, где кто-то ночью копошился и, разрыв кучу навоза, достали винтовку. Семен Антонович был тотчас же арестован за „хранение оружия“.

Через семь дней его отпустили, якобы, за „недоказанностью преступления“. На самом деле это было сделано для того, чтобы обвинить теперь уже его сына, Константина, в хранении оружия, а Семену Антоновичу предъявить другое обвинение и таким путем расправиться и с отцом и с сыном.

Так и получилось. Через некоторое время гестаповцы действительно арестовали и Семена Антоновича и его сына

Константина. Первого обвинили в расстреле в 1918 году белых офицеров, а Константина—в хранении винтовки.

Два месяца отец и сын терзались в тюрьме. Однажды к дому Борович под'ехала линейка из гестапо, и жене Константина Анне, девятнадцатилетней женщине с грудным ребенком, было предложено ехать на допрос.

В гестапо никто ее не допрашивал. Анну Борович на ночь бросили в подвал, а рано утром потащили к грузовой машине, на которой уже лежали связанными ее муж и отец. Их всех увезли за город и расстреляли.

Так погибла невинная семья советских людей.

После этого нам с мужем стало ясно, что теперь очередь для расправы над нами. В одно из воскресений к нам в квартиру ввалились предатель Еникеев и румынский офицер с денщиком. Они были пьяны. В доме была я с детьми и мать.

— Вот родичи Боровичей, которые убивали людей в 1918 году,—доложил офицеру Еникеев.

Офицер вытащил револьвер и велел матери и детям выйти, а мне остаться. Мать и дети подняли крик. Румынский офицер ударил мать по лицу. Все же они ушли, в этот раз никого не тронув.

Через несколько дней после этого мужа моего Алексея вызвали на допрос в полицию. Там все выпрашивали, кем доводится нам расстрелянная семья Семена Антоновича Борович и где еще в Крыму живут наши родственники. Мужу было приказано никуда из Алушты не отлучаться.

По всему было видно, что расправа над нами—дело ближайших дней. Мы ушли с мужем к партизанам в лес.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАТЕРИ¹

Дорогой сынок мой, Петя! Очень я больная и совсем плохо вижу и жить мне нелегко.

Пишу я тебе, чтобы ты, когда живой с войны придешь, а Настасья, соседка, передаст тебе это письмо, все о нашем семействе знал, где кого искать.

Когда ты уехал, Катя занемогла, и не могли мы ехать в эвакуацию. А встала она, Лена опять заболела. Катя за мужа боялась. Он говорил: „хромой я, меня не тронут“.

Немцы пришли, нас с квартиры согнали, потому что Катя грубо ответила, что замужем, а немецкий унтер приставал.

---

¹ Письмо найдено в январе 1944 года в одной из разграбленных фашистами квартир около госмегзавода в Керчи. В квартире находился труп удушенной немцами Е. С. Коротковой.

Николая ночью забрали, смеялись, костылей не давали.

Унтер опять приходил к Кате, пугал, что муж коммунист, и если не будет она с ним жить—и ее заберут. Катя ночевала у Настасьи.

Несколько раз носили Николаю передачу, а потом сказали нам, что ему уже не надо. Катя убивалась и с лица стала дурной и ночи не спала, потом стихла.

Ходили в деревню, вещи меняли, чтобы есть. Потом Лена пришла домой, плачет, все приставали немцы и румыны. Ходили на регистрацию, биржу сделали нам, чтобы всем работать. Девочек забрали копать.

Потом Лену немецкий офицер на кухню взял. Она нам оттуда есть носила. Я говорю ей: смотри, чтоб худа не было, а он снасильничал. Потом все приставал, а я ее прятала. Лена на себя руки наложить хотела, да Катя увидела, не дала...

К Кате все человек ходил, думала—гуляют. А раз она на три дня ушла, вернулась, меня целовала, говорит: „я, мама, наших видела“. Лена все твердила: „я, мама, так больше жить не могу“.

Потом забрали девушек, женщин в Германию, Лену офицер обещал отстоять, но и ее увезли. Я на вокзал ходила. Полицейские к поезду не пустили, один ударил. Кто уезжал, их в вагоны забили и гармонист играл, а они плакали. Письмо Лена одно прислала, непонятное, пишет, что не бьют и кормят. А нам велит жить лучше дома, пишет, что она приехала бы домой, да нельзя.

К Кате все приставал унтер. Один раз Ганс пришел к нам пьяный, розозлился, вещи ее раскидал, нашел какие-то бумаги, на меня кричал. Ночью к ней опять пришел: „живи со мной, говорит, или завтра арестую тебя, ты партизанка, муж твой был коммунист, а мать—бандитка“.

Выгнал меня на двор, двери запер. Долго кричал. Катя плакала, а он ушел. Катя света дождалась, попрощалась, а тут пришли немцы, которые с черепами и костями на руках, все переломали и Катю били. Меня тоже хотели забрать, да я в беспамятстве была.

Настасья узнавать ходила о Кате, так ей полицейский сказал: „молчи, если жива быть хочешь“. Потом многие к нам ходили, а старичок один все меня спрашивал, евангелие читал.

Сейчас я одна и совсем кончаюсь. Жив будешь, сыщи Лену и собаку-унтера, Ганс его зовут. Отплати, сынок, за сестер своих и за мать старую, за позор наш. Настасья отдаст тебе кое-что из вещей: рубахи, носки, исподнее, деньги и карточки Лены и Кати с мужем. А найдешь Лену, на мо-

гилу к матери придите и помяните мать, Катю с Николаем и отца вашего. Остаюсь мать твоя любящая. Прими мое родительское благословение и помни про нас. Целую тебя, ненаглядного. Мать твоя

Елизавета Семеновна Короткова.

МСТИТЕ ЖЕСТОКО ЗА НАС

Посмертные записки расстрелянного фашистами¹

13. 10. 1943 г.

А смерть все-таки обманула, не пришла сегодня. Когда придет—не знаю, может в ночь на 15. 10. 1943 г.

О, как жутко одному сидеть. В камере я один, а кругом целая куча охраны. Даже смешно...

Нет, а все-таки жить лучше, чем умирать. Я прожил всего лишь 25 лет и доживаю 26-й год. О, судьба!

Теперь нет даже шансов убежать, нет даже одного против ста. Что ж, умрем, ведь не даром, а за дело, дело наше правое, оно должно победить.

Эх, прощай, солнечный свет, прощайте, люди, прощай и ты, поверхотыя земли! Ухожу в тебя.

В чудо, в спасение не верю, глупо верить в чудо в наше время. А враг неумолим и пощады не даст. Да я и не желаю этой пощады. Я не нищий, просить жизни не буду, я чисто советский человек—простой, гордый, независимый. Я умираю за друзей, за родную землю, за Сталина и за счастье нашего народа, который в будущем, несомненно, будет счастлив.

Итак, прощайте навсегда!

Прощайте, друзья, не грустите

И не думайте много о нас,

Лучше свой меч подымите

И мстите жестоко за нас.

Зачем лишние слезы, скажите?

Они неуместны сейчас,

Уста свои крепче сомкните

И разите врага вы смелей.

Чтобы он пал без дыханья

И последний свой вздох испустил,

Тогда мы спокойно и славно

Под сырою землю почим.

¹ Эти записки сделаны чернильным карандашом на листках книги сочинений А. С. Пушкина, издания „Академия“. Они найдены в одной из камер керченской тюрьмы бойцами Красной Армии 27 января 1944 года.

14. 10. 1943 г.

Последние минуты моей жизни. Сажу и жду, когда придут и скажут:—выходи!—и расстреляют. Сегодня ночью шесть раз проверяли камеру, не убежал ли.

Как не хочется умирать! Не от того, что страх, а от того, что мало сделал для Родины. Но ничего, за меня сделают товарищи, которые на свободе.

О, мои милые соотечественники! Отомстите за нас, за тех, кто расстрелян в немецких застенках. Наша смерть еще требует: уничтожайте беспощадно извергов, которые разоряют еще наши земли и на неосвобожденных еще нашей армией территориях издеваются над нашим русским народом.

Написанное здесь отнесите на „Большую землю“, чтобы знали, что по эту сторону фронта рука об руку боролись люди вместе с вами. Может быть, кто-нибудь на самом деле увидит строки, написанные здесь. Это было бы хорошо.

Вот, кажется, приехала моя смерть.

Через 5—10 минут—конец!..

Моя могила в Керченской тюрьме, в хозяйственном дворе, слева, в углу, где машина ГАЗ разбита. Я видел, как ее копали для меня.

Если кто прочитает, не забудьте найти семью и передайте сыну — ему уже 5 лет! — о том, что его отец погиб за его счастье, за счастье миллионов советских детей в будущем.

Николай Кокарев

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
НАСИЛЬНИКИ	5
В. Горбуленко—Симферополь в ярме	7
Д. Макарычева—Невольница	12
К. Смирнова—В истерзанном городе	18
Н. Перепелкин—„Дивизиторы“	19
М. Полякова—Носитель „нового порядка“	21
И. Березцов—Жили в постоянном страхе	23
Н. Руденко—Тяжело было на сердце	25
М. Хорин—Больницы при немцах	26
А. Яворский—Немецкая фабричная плетка	28
РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ	31
Г. Викторов—„Общины“ подневольного труда	33
И. Горева—Милость господина коменданта	37
Л. Никонов—Их жадность не знала предела	39
А. Нечепуренко—Грабители	41
А. Котов—Ценою жизни	42
К. Локтев—Во власти мародеров и убийц	43
Е. Стасько—В погоне за рабами	45
Д. Макарычева—Она не работала на немцев	47
В. Канаева—В застенках гестапо	50
Г. Харченко—Я видел своими глазами	53
В. Горбуленко—Строки, написанные слезами и кровью	54
ПОДЖИГАТЕЛИ	59
Н. Луговой—Сожжение предгорных деревьев	61
М. Туровский—Объятые пламенем	63
Н. Старикова—Фриентальская трагедия	65
А. Франк—С немцами шагала смерть	67
В. Зыков—Васильковская балка	68
ДЕТОУБИЙЦЫ	71
Н. Безменов—Юные каторжники	73
Н. Полякова—Как погибли Лена и Женя	75
Н. Безменов—У открытой могилы	76
В. Елин—Немецкое пари	78
Л. Терещенко—„Они нас расстреливали“	80
Д. Макарычева—Дети из леса	82

ЛЮДОЕДЫ	87
С. Сувор—Могилы у Ливенских дубков	89
П. Евлахова—В тюрьме на Луговой	92
И. Сердюков—Истребление интеллигенции	94
К. Ковальчук—Казнь заложников	95
М. Туровский и М. Андриасов—В Аджиджабу-Мушкайских каменоломнях	96
И. Буров—На это способен только немец	100
П. Лазарев—Лагерь смерти	102
А. Даниленко—Судьба одной деревни	105
Т. Борович—Провокаторы	106
Последнее письмо матери	107
Мстите жестоко за нас	109

Цена 6 руб.

4

7926